

воображаемый враг

ИНОВЕРЦЫ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИКОНОГРАФИИ

Михаил Майзульс

Михаил Майзульс

**Воображаемый враг: Иноверцы
в средневековой иконографии**

«Альпина Диджитал»

2022

Майзульс М. Р.

Воображаемый враг: Иноверцы в средневековой иконографии /
М. Р. Майзульс — «Альпина Диджитал», 2022

ISBN 978-5-00-139682-6

Гербы и флаги с изображением скорпионов, экзотические тюрбаны и колпаки, крючковатые носы, рыжие волосы, багрово-красные, черные или даже синие лица, неестественно вывернутые позы, непристойные жесты и злобно-агрессивные гримасы. В искусстве средневекового Запада применялось множество знаков, которые маркировали и обличали иноверцев (иудеев, мусульман и язычников), еретиков, других грешников и отверженных. Всех их соотносили с «отцом лжи» – дьяволом, а также друг с другом, словно они были частью глобального сговора против христианского социума. Язычников-римлян порой представляли в иудейских шапках и с псевдоеврейскими надписями на одеждах, иудеев – в мусульманских чалмах, а мусульман обвиняли в том, что они поклоняются идолам и взывают к древнеримским богам. В новой книге медиевист Михаил Майзульс показывает, как с XII по XVI в. конструировался образ врага, как в пространстве изображений и на улицах городов работали механизмы стигматизации и как приемы, возникшие в Средние века, перешли в памфлеты, плакаты и карикатуру Нового времени.

ISBN 978-5-00-139682-6

© Майзульс М. Р., 2022

© Альпина Диджитал, 2022

Содержание

введение	9
другой. чужой. враг	9
I	32
judenhut: главный (анти)еврейский знак	33
иудеи в христианском искусстве	35
от свидетелей к богоубийцам	42
нет ни римлянина, ни иудея: подвижная этничность	46
юденхуты: праведные и неправедные	55
антихрист и 30 сребреников	65
христос остановился в эммаусе	66
юдофобский знак в еврейских рукописях?	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Михаил Майзульс

Воображаемый враг: Иноверцы в средневековой иконографии

Научный редактор *Олег Воскобойников*

Редактор *Андрей Захаров*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Корректоры *С. Чупахина, Е. Рудницкая*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

© Майзульс М., 2022

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

* * *

воображаемый ВРАГ

ИНОВЕРЦЫ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИКОНОГРАФИИ

Михаил Майзульс

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА, 2022

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Этой книге было бы намного труднее появиться на свет без поддержки коллег: Дмитрия Антонова, Григория Бакуса, Олега Воскобойникова, Галины Зелениной, Валерии Косяковой, Евгении Литвин, Ирины Мироненко, Андрея Пильгуна, Михаила Реутина, Михаила Рогова, Надежды Селунской, Мити Фрумина и Дильшат Харман. Они меня консультировали, вычитывали фрагменты текста, копировали в библиотеках статьи, дарили свои книги и помогали с переводами. Особую благодарность я хочу выразить Ольге Тогоевой за консультации по истории средневекового права, Михаилу Медведеву, который помог разобраться со многими сюжетами из истории геральдики, и Сергею Зотову, взявшему на себя тяжкий труд вычитать этот пространственный текст. Все неточности и ошибки, безусловно, на моей совести, но без помощи друзей их явно было бы намного больше.

*Христос, которого я чтю,
Враждебен твоему Христу.
С горбатым носом твой Христос,
А мой, как я, слегка курнос.*

**Уильям Блейк.
Вечносущее Евангелие.
Ок. 1818 г.
(перевод С.Я. Маршака)**

1. Португальцы высаживаются в Нагасаки в 1543 г. Фрагмент ширмы. Япония. Рубеж XVI–XVII вв.

Lisboa. Museu Nacional de Arte Antiga

ВВЕДЕНИЕ

другой. чужой. враг

В 1543 г. португальцы первыми из европейцев достигли Японии. Поскольку их корабли прибывали на архипелаг с юга, японцы стали называть их «южными варварами» (*нанбан*). На первых порах пришельцев приняли с интересом. Монахи-иезуиты начали проповедовать и обратили многих местных в христианство. Однако в первой половине XVII в. власти из страха перед иноземной крамолой, разрушением устоев и колонизацией со стороны европейцев решили закрыть страну, миссионеров изгнали, а христианство объявили вне закона. До середины XIX в. все контакты с западным миром, кроме редкой торговли с голландцами, были пресечены.

Вслед за самими европейцами в Японии появилось множество изображений, представлявших их облик, одежды и нравы. «Южные варвары» одновременно манили и пугали. Описывая внешность иноземцев, разные тексты подчеркивали их уродство и родство с нечистью. Известный японист Александр Мещеряков цитирует анонимную «Повесть о христианах», написанную в XVII в. Ее автор, рассказывая о прибытии первых европейцев на острова, отмечал, что они колоссального роста, у них большие глаза, длинные когти на руках и ногах, зубы длиннее, чем у лошади, волосы мышиного цвета, а под одеждой наверняка хвосты¹. Особое изумление у японцев вызывали огромные, как у «лешего» *тэнгу*, носы европейцев. На японских изображениях того времени иноземцы сразу же отличаются от местных не только экзотическими костюмами (высокие шляпы, широченные штаны и т. д.), но и орлиными «клювами» (1)².

Тело чужака – потемки. В нем много странного, и то, что в жизни удивляет или пугает, воображение нередко утрирует и сводит к нескольким отталкивающим характеристикам. Черты чужаков переносят на враждебные силы, опасных духов и злых богов. Потому в житиях раннехристианских пустынников из Египта, Палестины и Сирии демонов так часто описывали как «эфиопов». В представлении коптов, греков и сирийцев черный цвет кожи их соседей с юга олицетворял духовное помрачение, тьму, царствующую в душе. На бесчисленных средневековых изображениях бесы черны как смоль, а римлян и иудеев, истязавших Христа, нередко представляли с черной кожей и негроидными чертами лица (2). Расовая инаковость стала стигмой, знаком порока.

---

¹ Мещеряков 2012. С. 134–144.

² Okamoto 1972; Matsumoto 1998.

2. Бичевание Христа. У левого истязателя зловещий крючковатый нос и очень темная кожа. У правого кожа светлее, но черты лица явно показывают, что он «мавр».

Псалтирь Латрелла. Англия. 1325–1340 гг. *London. British Library. Ms. Add. 42130. Fol. 92v*

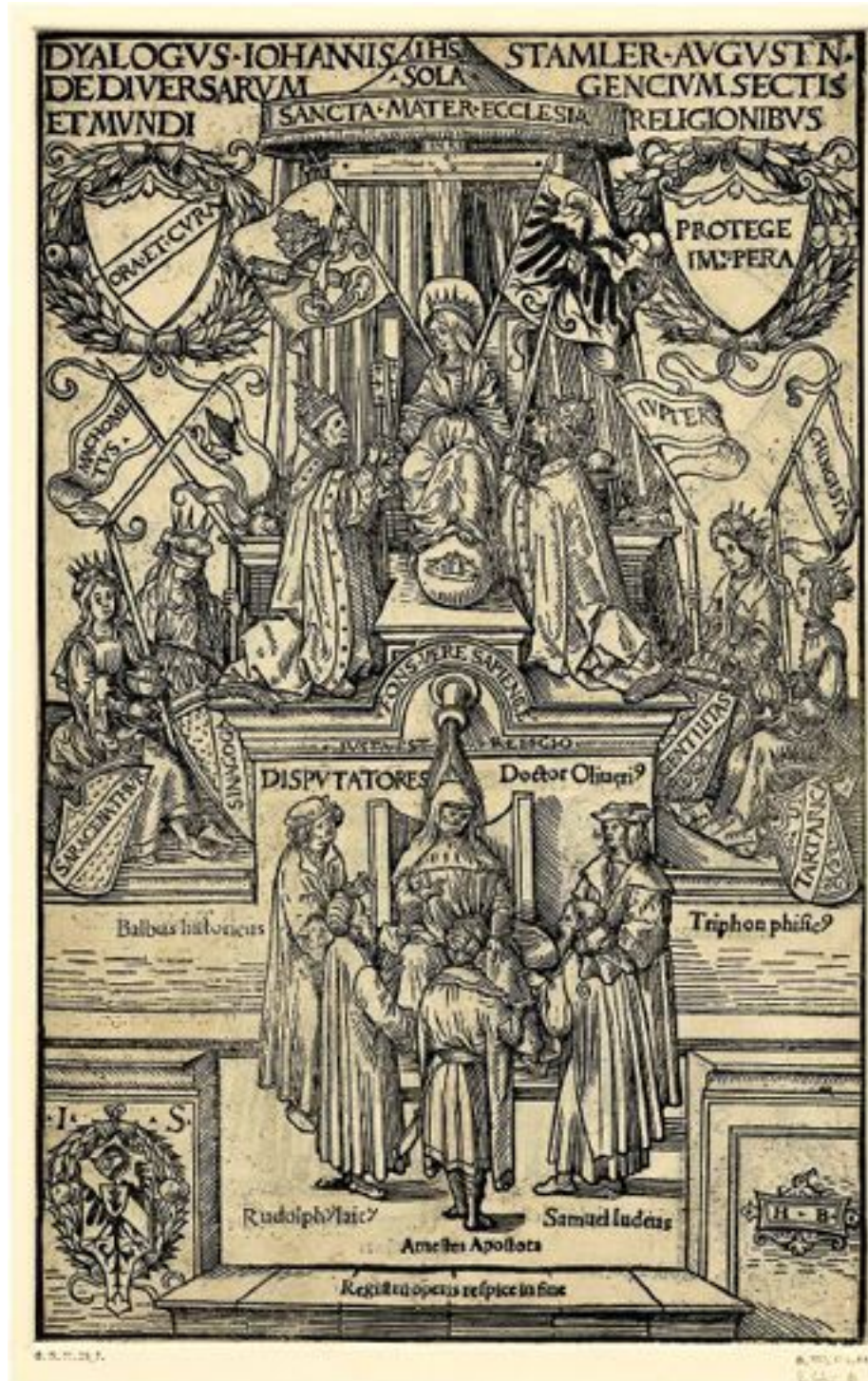
В Средние века европейские художники использовали великое множество приемов и знаков, призванных отделить христиан от иноверцев, праведников от грешников, своих от чужих. С их помощью маркировали иудеев, язычников, мусульман, еретиков, реже – преступников, прокаженных, проституток и других чужаков или маргиналов, которых считали нечистыми и опасными. Некоторые из этих знаков использовались не только на изображениях, но и в реальном мире – на улицах средневековых городов³.

Несколько лет назад, разыскивая что-то на сайте Британской библиотеки, я увидел одну гравюру, которая подтолкнула меня к идее написать книгу о средневековой символике инаковости и ее принципиальной неоднозначности. В 1508 г. Иоганн Штамлер, ректор приходской церкви в немецком городке Киссинг, опубликовал сочинение под названием «Диалог о сектах различных народов и религиях мира». На его титульный лист помещена гравюра, выполненная известным художником Гансом Бургкмайром из Аугсбурга (3)⁴.

В центре под высоким балдахином восседает Святая Мать Церковь в короне и с нимбом. За ее спиной – крест. Поскольку она повелительница мира, ее ноги покоятся на земном шаре. Под ним из трубы течет Источник истинной мудрости, который изливается на доктора Оливерия – папского протонотария. По обе стороны от торжествующей Церкви на коленях стоят властители: по правую руку, под знаменем с ключами св. Петра, – римский понтифик, похожий на Юлия II (1503–1513), а по левую, под знаменем с двуглавым орлом, – император Священной Римской империи, в котором нетрудно узнать Максимилиана I (1508–1519). Церковь вручает папе ключи от Царствия Небесного (Мф. 16:19) – символ его духовной власти и миссии по спасению душ, а государю – меч, напоминающий о его светской власти и обязанности охранять христианскую империю.

³ Jaritz 2009.

⁴ Nugent 1938; Cutler, Cutler 1986. P. 115–117; Rodov 2009. P. 458–459, Fig. 3.

3. Титульный лист книги Иоганна Штамлера «Диалог о сектах различных народов и религиях мира» (Аугсбург. 1508 г.)

Доктор Оливерий, восседающий на высоком кресле прямо под фигурой Церкви, защищает правоту христианства в споре с двумя иноверцами: Арнестом Отступником – христианином, который в турецком плену принял ислам (потому на его голове тюрбан), и Самуэлем Иудеем (на его плаще пришито кольцо – опознавательный знак, который с XIII в. был введен для евреев во многих католических землях). Доктору Оливерию помогают другие христиане – Бальб Историк, Рудольф Мирянин и Трифон Физик. В тексте Штамлера после долгих, труд-

ных и увлекательных споров Арнест с Самуэлем признают правоту христианства и принимают крещение.

На гравюре Бургкмайра по обе стороны от Церкви внизу разместились четыре дамы. Это персонификации других вер. На их головах тоже короны. Рядом с ними стоят щиты, на которых написаны их имена, а в руках они держат флаги. Однако, в отличие от триумфальных знамен Церкви, их древки сломаны, что напоминает об их поражении и бессилии перед лицом торжествующего христианства.

Со стороны императора сидит дама Язычество (*Gentilitas*) – на ее флаге написано имя греко-римского бога Юпитера. Рядом с ней – Татарская вера (*Tartarica*) с именем Чингисхана (*Chingista*). Со стороны папы – Синагога (*Synagoga*) с завязанными глазами и Сарацинская вера (*Saracena Thur*) – ислам, вера турок.

Однако с флагами явно что-то не так. Ведь в руках у Синагоги знамя с именем пророка Мухаммеда (*Machometus*), а у Сарацинской веры – флаг с юденхутом, шапкой, которая с XI в. в католической иконографии служила главным атрибутом иудеев. Только их сломанные древки переkreщены так, что Мухаммед все же оказывается над персонификацией ислама, а юденхут – над персонификацией иудаизма⁵. Порядок восстановлен.

---

⁵ Интересно, что флаг с именем Магомета надет на копье, а флаг с юденхутом просто на древко. Вероятно, эта деталь напоминала о воинственности турок и воинском бессилии иудеев, которые в христианских землях не имели права носить оружие и могли опереться только на силу магометан.

4. Взглянем на миниатюру из роскошной рукописи, которая была заказана для французского короля Карла V (1364–1380). В середине центрального регистра изображена католическая месса. Она противопоставляется идолопоклонству (слева) и иудейскому культу (справа). Язычники молятся перед алтарем, на котором установлены золотые истуканы. Евреи приносят жертвенного агнца к ковчегу, из которого разворачивается пустой свиток, символизирующий Писание – голос Господа. Католический священник гладко побрит, а на его непокрытой голове

видна тонзура. Языческий жрец и еврейский первосвященник бородаты и одеты в шапки похожих конструкций, напоминающие корону с тремя зубцами. Только у язычника у этой короны низкая тулья, а у иудея в нее вставлен высокий колпак. Выше, на небесах, престол Бога окружают славящие его ангелы, святые и души избранных. Среди них есть несколько бородатых старцев без нимбов и в таких же шапках, как у язычников и иудеев. Вероятно, они означают ветхозаветных праведников. В нижнем регистре миниатюры демоны тащат в пасть ада грешников, в том числе христианских епископов в высоких митрах.

Августин. О граде Божьем (во французском переводе Рауля де Преля). Ок. 1380 г.
Paris. Biblioth
èque nationale de France. Ms. Français 22912. Fol. 2v

За такой игрой с символами скрывалось представление о едином фронте иноверия, в котором иудеи, магометане и еретики строят общие планы по ниспровержению Католической церкви. Ведь они все «неверные» – *infideles*. Гравюра Бургкмайра представляет идеальную картину мироздания, в котором господствует единая Церковь. Папа и император, ее верные сыны, не сражаются за «первородство», а вместе повелевают душами и телами. Флаг папы водружен на крест, орудие спасения, а флаг императора – на копье, олицетворение воинской силы. Все другие веры, которые суть заблуждения, повержены и бессильны – их древки сломаны. У Бургкмайра ислам и иудаизм четко различаются и в то же время соотнесены друг с другом с помощью перекрещенных флагов.

Этот парадокс постоянно встречается и в средневековой иконографии. На миниатюрах в хрониках Крестовых походов, повествовавших о противостоянии между христианами и мусульманами в Святой земле, в иллюстрированных рукописях Апокалипсиса и других текстах, посвященных концу времен, царствованию Антихриста или вторжению «нечистых народов», «измаильтян» или Гога с Магогом, на бесчисленных изображениях Страстей Христовых и жестоких казней христианских мучеников зритель обычно легко отличал христиан от иноверцев, праведников от грешников, своих от чужих. Однако язычники нередко были похожи на иудеев, иудеи одевались как мусульмане, а мусульмане поклонялись идолам, как язычники (4)⁶.

На средневековых изображениях Страстей применялось множество знаков, которые напоминали о том, что Христос был арестован, подвергнут мукам и казнен руками иудеев или по их наущению. Например, в XIV–XV вв. для этого часто использовали отдельные слова или фразы, написанные на древнееврейском, бессмысленные сочетания, собранные из еврейских букв, или вовсе абракадабру из выдуманных знаков, которые отдаленно напоминали какое-то из восточных письмен⁷.

С одной стороны, иврит воспринимали как древний священный язык: на нем говорили первые люди, были записаны заповеди, а пророки предрекали пришествие Христа. В иконографии (псевдо)еврейские буквы порой появлялись даже на одеянии Девы Марии или на стра-

---

⁶ Camille 1989. Историк-медиевист Светлана Лучицкая в книге «Образ другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов» писала о том, что образы сарацин «следует рассматривать как составную часть иконографии зла, к которой относятся изображения Сатаны, Антихриста; персонифицированных грехов и добродетелей; евреев; отрицательных библейских и античных персонажей (таких, как Голиаф, Нерон и пр.); врагов христианства, о которых идет речь в *chanson de geste* и связанной с ними иконографии» (Лучицкая 2001. С. 331). См. также: Cruse 2011. Р. 170; Caroff 2016. Иудеев – врагов Христа представляли в облике мусульман (тогдашних врагов христианского мира) не только на Западе, но и, к примеру, на Кавказе. На севере Армении, недалеко от границы с Грузией, есть монастырь Ахтала. В его главном храме сохранился обширный цикл фресок начала XIII в. Как отмечает Алексей Лидов, в цикле Страстей иудейские первосвященники Каиафа и Анна изображены в мусульманских тюрбанах, а свитки, которые лежат у них на столе, испещрены буквами, похожими на арабские. В другой сцене Христа к Пилату приводит еврейский (?) воин, который выглядит «как турок-сельджук с бритым подбородком, длинными усами, в шапке, напоминающей феску» (Лидов 2014. С. 110–111).

⁷ Rodov 2013a.

нищах молитвенника, который она держала в руках⁸. С другой – во многих сюжетах, которые противопоставляли христианскую благодать и Моисеев закон или обличали иудеев как врагов Христа, те же надписи явно маркировали персонажей или пространства как иноверные и враждебные⁹. Еврейские буквы часто изображали на одеждах или головных уборах первосвященников и фарисеев, злоумышлявших против Иисуса, или на флагах, реявших над иерусалимской толпой, которая требовала его распять (Ин. 19:4-7) (5).

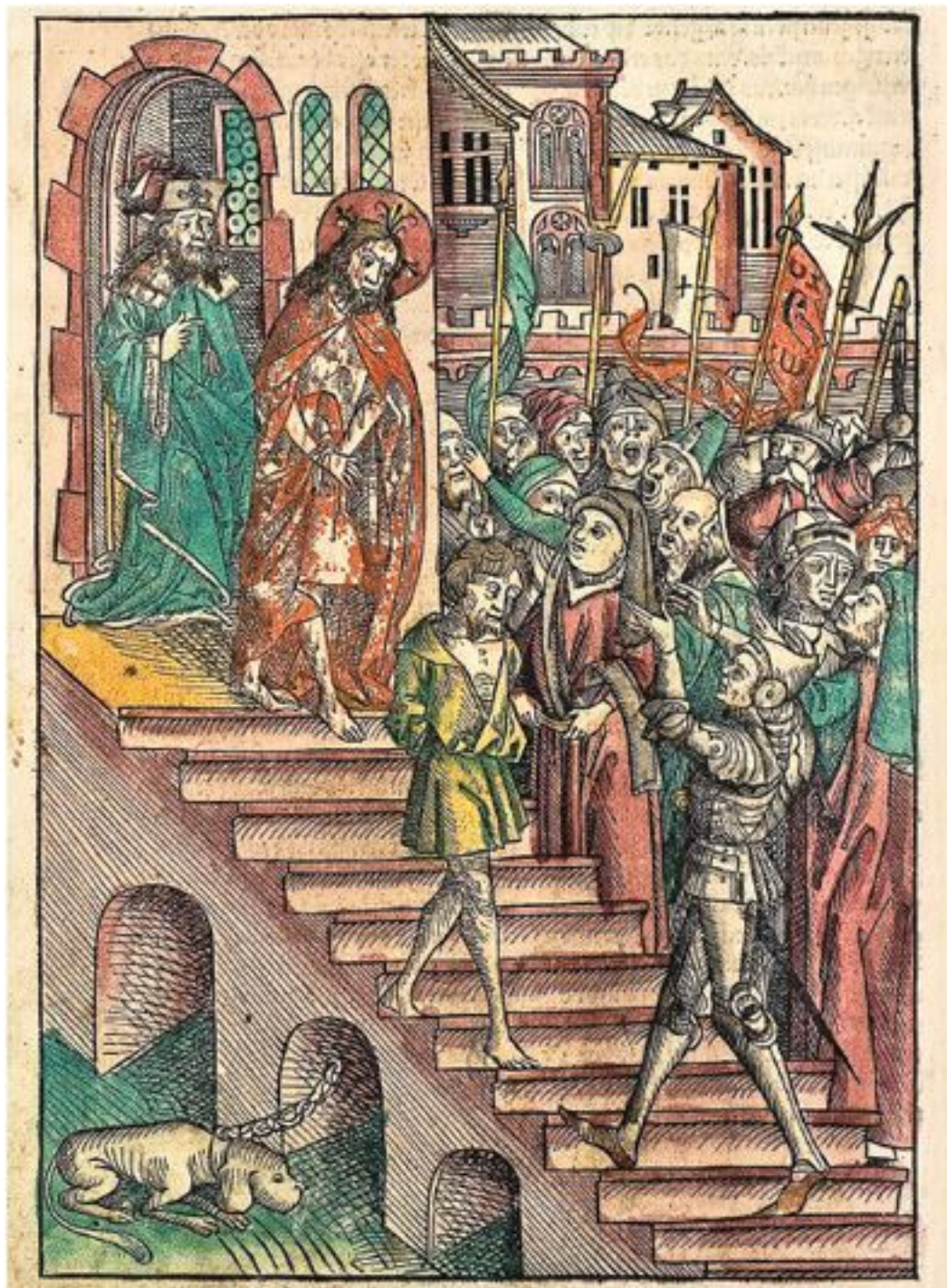
Что интересно, такие же надписи появлялись у римских воинов, которые по приказу Понтия Пилата подвергли Христа бичеванию, возложили ему на голову терновый венец и на Голгофе бросили жребий, чтобы решить, кому из них достанется его хитон (6, 7). Тем самым всех истязателей Богочеловека легко «превращали» в иудеев. Нередко роль древнееврейского языка в иконографии исполняли буквы, которые на самом деле копировали арабское, сирийское или даже монгольское письмо. Для абсолютного большинства европейцев они были одинаково непонятны, загадочны и ассоциировались с иноверием, магией и далеким Востоком. Например, итальянский художник Андреа Мантенья в сцене «Се человек» (ок. 1500 г.) слева от израненного Христа изобразил зловещего персонажа в бумажной короне, покрытой нечитаемыми письменами. Как предполагает историк Александр Нэйджел, они вдохновлены не еврейским, а арамейским алфавитом, каким писали в Сирии (8)¹⁰.

---

⁸ Mellinkoff 1993 I. P. 97–108; Mellinkoff 1993 II. Fig. IV.3.

⁹ На миниатюре в одной английской Псалтири XIV в. Иисус держит свиток с латинской надписью, а Сатана, который искушает его в пустыне, – с (псевдо)еврейской: Oxford. All Souls College Library. Ms. 6. Fol. 62. См.: Mellinkoff 1993 I. P. 105 (Mellinkoff 1993 II. Fig. IV.13); Pereda 2013. P. 128, Fig. 6.

¹⁰ Nagel 2011. P. 230; Nagel 2013. P. 8, Fig. 6; Fowler 2019. P. 62–65, Fig. 50.

5. Михаэль Вольгемут. Се человек (гравюра из книги проповедей францисканца Стефана Фридолина, опубликованной в Нюрнберге в 1491 г.).

Darmstadt. Universitäts- und Landesbibliothek

На современных антисемитских плакатах и карикатурах главной приметой евреев служит хищный, крючковатый нос. Эта обличительная деталь, которую так активно эксплуатировала нацистская пропаганда, появилась на лицах палачей Христа в XII в. Историки нередко называют такой нос «еврейским» и порой на основе лишь этой приметы идентифицируют персонажей средневековых изображений как иудеев. Однако их вплоть до XVI–XVII вв. часто представляли не только с носами-«клювами», но и с короткими вздернутыми носами, которые

скорее напоминают свиные пяточки. А с крючковатыми носами из века в век изображали многих других иноверцев, еретиков, ведьм и, конечно, самого дьявола.

Если открыть под 1243 г. «Большую хронику», составленную английским монахом Мэтью Пэрисом (Матвеем Парижским), мы увидим внизу листа сцену каннибальского пиршества (9)¹¹. Трое варваров убивают пленных, а потом жарят и пожирают человеческую плоть. У двоих из них носы крючком, а у третьего нос вздернут. Перед нами первое из известных на Западе изображений монголов, которые, покорив русские земли, в 1241 г. вторглись в пределы католического мира. Подпись на миниатюре гласит, что это «проклятые тартары, или татары, которые едят человеческое мясо»¹². С таким же профилем в английских рукописях того времени нередко представляли иудеев.

С XIV в. римлян и иудеев в сценах Страстей стали все чаще одевать в широкие восточные одеяния и разнообразные тюрбаны. Без сомнения, эти детали соотносили древних врагов Христа с тогдашними врагами христианского мира – арабами, а позже – турками. Как хорошо известно, экспансия Османов была воспринята на Западе как смертельная угроза и одна из примет приближения последних времен. В 1396 г. в битве при Никополе султан Баязид I разгромил собранную против него коалицию западных держав, а в 1453 г. Мехмед II взял Константинополь и уничтожил Византийскую империю. В эту кризисную эпоху среди католического духовенства регулярно звучала мысль о том, что иудеи, главные внутренние чужаки, состоят в сговоре с внешним врагом – турками.

¹¹ Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 16 II. Fol. 167. См.: Lewis 1987. P. 103, 138, 244. 282–288, Fig. 180; Sauerländer 2006. P. 13–14, Fig. 22; Phillips 2017. P. 90–91, Fig. 2.

¹² Этот рисунок иллюстрирует послание, в котором епископ Иво Нарбоннский поведал архиепископу Геральду Бордоскому о том, как татары – «клеветы Антихриста» и «люди-нелюди» (*homines inhumani*) – в 1241 г. разорили окрестности Нойштадта в Австрии. Он утверждал, что их вожди со своими подручными едят собак и всякую нечистоту. Более того, набрасываются на человеческие тела и не оставляют хищникам ничего, кроме обглоданных костей. Тела старых и уродливых женщин они отдают своим подручным-каннибалам, а юных дев насилуют, пока те не умрут от изнеможения. Поведав об этих чудовищных сценах, Иво набросал словесный портрет свирепых завоевателей. По его словам, у татар крепкая и широкая грудь, толстые и короткие ноги, длинные и редкие зубы, быстрые черные глаза, а носы короткие и неправильной формы (*nasos distortos et breves*). См.: Luard 1877. P. 272–274.

6. Трое воинов, измываясь над Христом, коронуют его терновым венцом. В этом изображении собраны основные приемы, которые на исходе Средневековья применялись для изображения палачей Богочеловека: у усача в зеленом приспущены штаны, так что мы видим его голые ноги; у его товарища справа к шапке пришит шутовской бубенчик; воин, стоящий перед Христом, показывает ему язык. И у двоих мучителей по кромке одежды нарисована (как подразумевается, вышита) псевдоеврейская надпись.

Мастер VEA. Коронование Христа терновым венцом. Сер. XV в.

Ptuj – Ormož. Pokrajinski muzej. № G 12 sl

В 1943 г., в самый разгар Второй мировой войны, когда в оккупированной Европе шло «окончательное решение еврейского вопроса», американский раввин и историк Джошуа Трахтенберг опубликовал книгу «Дьявол и евреи»¹³. Его замысел состоял в том, чтобы максимально широко очертить историю средневековых антиеврейских стереотипов, из которых возник современный антисемитизм. В главе с характерным названием «Еврей как еретик» он показал, что уже в раннее Средневековье были сильны подозрения в том, что иудеи, жившие в христианских королевствах, надеясь избавиться от угнетения, вступали в сговор с завоевателями-магометанами. Например, в 694 г. (т. е. за семнадцать лет до того, как арабы, вторгшись из Северной Африки, покорили почти весь Пиренейский полуостров) на соборе в Толедо вестготский король Эгика заявил, что иудеи побуждают мавров захватить королевство. После этого имущество, принадлежавшее его еврейским подданным, было конфисковано, а их детей стали отдавать на воспитание в христианские семьи.

---

¹³ Трахтенберг 1998.

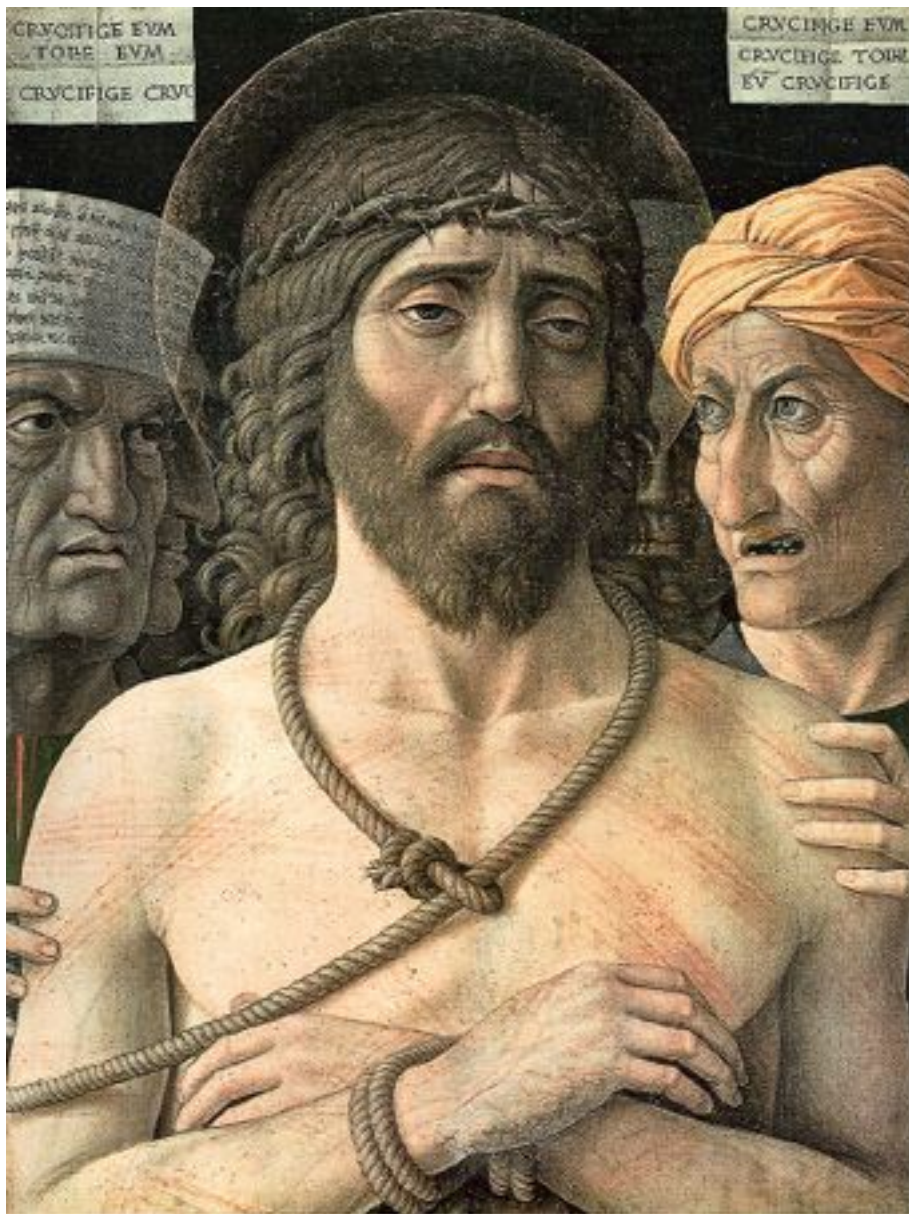

7. Истязатели Христа одеты в высокие шапки, напоминающие одновременно средневековые юденхуты и турецкие чалмы. Человек в длинной желтой одежде и с седой бородой, который держит в руках трость, – это сам Пилат, распорядитель экзекуции. Слева от него стоит персонаж в красном – к его капюшону пришит лист пергамента или ткани с псевдоеврейской надписью. Это иудейский первосвященник Каиафа, который добивался казни Иисуса. В вет-

хозаветной Книге Исход (28:36-37) было сказано, что на головном уборе (*кидаре*) первосвященника должна быть закреплена золотая табличка со словами «Святыня Господня». Здесь ее роль играет нашивка.

Часослов (*Golf Book*). Брюгге. Ок. 1540 г.

London. British Library. Ms. Add. 24098. Fol. 8v

8. Андреа Монтења. Се человек. Ок. 1500 г.

Paris. Musée Jacquemart-André

9. «Татары» пожирают пленных христиан.
Мэтью Пэрис. Большая хроника. Ок. 1240–1253 гг.
Cambridge. Corpus Christi College. Ms. 16 II. Fol. 167

Кроме того, важно, что все иноверцы с точки зрения канонического права принадлежали к общей категории «неверных» (*infideles*). В максимально широком охвате она включала иудеев, язычников, мусульман (их тоже нередко относили к числу язычников), еретиков и схизматиков¹⁴. В пособии для исповедников, известном как «Небольшая сумма магистра Конрада» (ок. 1226–1229 гг.), как и во многих других средневековых текстах, говорилось, что христиане не должны есть вместе с иудеями, обращаться к ним за врачебной помощью и вместе с ними мыться в банях. Сами иудеи обязаны одеваться не так, как христиане, и не имеют права занимать публичные должности. В конце было добавлено, что почти всё, относящееся к иудеям, применимо и к сарацинам. Однако в некоторых рукописях «Небольшой суммы» в этом месте вместо слова «сарацины» стоит «язычники». Когда требовалось, средневековые клирики отличали греков-схизматиков от катаров-еретиков, иудеев – от мусульман, а мусульман – от язычников. Однако в других случаях они, стремясь выработать общий подход к иноверию или обличая его как служение Сатане, отождествляли их всех как «неверных»¹⁵. Поэтому на изображениях Страстей Христа или казней раннехристианских мучеников римляне-язычники и иудеи так часто предстают в облике магометан. В других сюжетах статуи греко-римских божеств держат в руках полумесяцы, а мусульмане в своих мечетях поклоняются идолам Юпитера.

В 1891 г. французский историк Юлисс Робер опубликовал небольшую книгу под названием «Позорные знаки в Средние века. Евреи, сарацины, еретики, прокаженные, каготы и проститутки»¹⁶. С тех пор вышло колоссальное число работ, посвященных стигматизации и демо-

¹⁴ В XV в. архиепископ Флоренции Антонин Пьероцци в «Сумме теологии» формулировал это так: «Существует три вида неверных: язычники, иудеи и еретики» (Stantchev 2014. P. 87–88).

¹⁵ Stantchev 2014. P. 69, 79–80, 93–96.

¹⁶ Robert 1891. Каготы (*cagots*) – это загадочная группа, своего рода каста неприкасаемых, которая в Средневековье и Новое время существовала во многих регионах Юго-Западной Франции и Северо-Восточной Испании. Их также называли *crestians*, *gahets*, *agots*, *capots* и т. д. Похожее меньшинство известно в Бретани, где их именовали *caqueux*, *caquins* или *caquous*. Каготы не отличались от соседей цветом кожи или чертами лица, говорили на том же наречии и тоже были католиками. Но при этом

низации иноверцев, маргинализации и преследованию еретиков и «маркировке» различных меньшинств¹⁷. Исследования показали, что большая часть таких знаков, которые применялись в реальности или существовали исключительно в иконографии, появилась в XII–XIII вв.

В раннесредневековом искусстве чужаки и враги либо вовсе не изображались, либо изображались, но так, что в их облике не было почти ничего враждебного или устрашающего. Чаще всего их можно было распознать, только вспомнив сюжет, прочтя краткие подписи или соотнеся образ с текстом. Конечно, одержимых или еретиков порой представляли с пламенеющими или вздыбленными волосами – как некогда варваров. Тем самым их соотносили с бесами, которых было принято изображать с патлами, напоминающими языки огня или извивающихся змей¹⁸. На миниатюрах Штутгартской псалтири (ок. 820–830 гг.) с подобной демонической прической мы видим бесов, палачей, убивающих праведников, и Иуду Искариота¹⁹. Однако в иконографии того времени такие приемы встречались нечасто. В большинстве случаев палачи Христа внешне не отличались от праведных воинов, а иноверцы – от христиан.

Ситуация начала меняться в XII–XIII вв. В это время у английских, французских или немецких мастеров появилось много новых приемов, призванных выявить иноверие и изобразить зло, скрытое в человеке. Воинов, истязавших Христа, стали изображать утрированно уродливыми или звероподобными, иудеев – с крючковатыми носами, а сарацин – с темными лицами. В руках иноверцев во множестве сцен возникли щиты и флаги с демоническими созданиями: змеями, драконами или скорпионами. Нечестивцы разевали рты, скалились, хохотали, гримасничали и кричали. Их тела извивались, а движения стали порывистыми и агрессивными. Внешнее безобразие и хаотичная жестикуляция должны были продемонстрировать их порочность и сходство с демонами, которым они, как считалось, служат²⁰. Тенденция к визуальной демонизации врагов Христа достигла своего пика на исходе Средневековья – у Иеронима Босха в Нидерландах и у многих немецких художников рубежа XV–XVI в. (10)

Почему инаковость иноверцев и других негативных персонажей стала зрима именно в XII–XIII вв.? Ответ следует искать как в истории визуального языка, так и в «большой» истории европейских обществ.

В раннее Средневековье вообще создавали не так много изображений. Круг сюжетов, которые считались достойными визуализации, был сравнительно невелик. В сценах из Священной истории или житий святых, как правило, ограничивались несколькими ключевыми персонажами, а «декорации» были скупы и условны. Своим лаконизмом и иерархичностью многие образы напоминали схемы или, скорее, знаки событий. В эпоху готики пространство, в котором разворачивалось действие, стали изображать подробнее и с бóльшим правдоподобием. У многих художников и скульпторов проснулся интерес к реальному облику растений, животных и

их считали нечистыми, потомками прокаженных, их презирали и сторонились. И хотя с виду каготы были вполне здоровы, в ту пору утверждали, что скрытая лепра передается в их семьях из поколения в поколение. Вокруг того, откуда пошли каготы и почему их стали дискриминировать, до сих пор идут споры. Историки считали их потомками мусульман, еретиков-катаров, «лишних ртов», оставшихся без земли и постепенно превратившихся в маргинальное меньшинство. Сексуальные связи и браки между каготами и остальными были строгайше запрещены как местным законом, так и обычаем. Поскольку каготов считали нечистыми, в некоторых регионах им не разрешалось посещать общественные места – бани, трактиры, мельницы – и пользоваться водой из общественных фонтанов, а также на рынках касаться продуктов. Где-то браки между каготами и «обычными» гражданами оставались редки еще в XIX в., да и в XX в. память о том, что кто-то родом из презренной семьи, продолжала передаваться. См.: Bériac 1987; Bériac 1990; Guerreau, Guy 1988; Jolly 2000. Известно, что во Франции каготы в позднее Средневековье и раннее Новое время должны были носить специальные знаки – часто красные нашивки в форме утиной или гусиной лапки (Robert 1891. P. 158–174).

¹⁷ См.: Lipton 1999; Caroff 2000; Лучицкая 2001; Strickland 2003; Bale 2006; Klemettila 2006; Barral 2009; Katz 2008; Trivellone 2009; Strickland 2011; Merback 2012; Capriotti 2014; Lipton 2014; Stoichita 2014; Nirenberg 2015; Heng 2018; Tamm 2018; Pinkus 2021 и т. д.

¹⁸ Антонов, Майзульс 2010. С. 147–153. Торчащие во все стороны волосы продолжали использовать как маркер дикости и принадлежности к миру зла и в следующие столетия. См., напр.: Strickland 2003. Fig. 54.

¹⁹ Сидоров 2020. С. 46–47, ил. 1–4.

²⁰ Sauerländer 2006. См. также: Wirth 2008. P. 242–244.

различных предметов – от воинской амуниции до городских укреплений²¹. Параллельно средневековые мастера стали осваивать новые экспрессивные средства в изображении человека. Плоские, угловатые и скованные тела постепенно ожили и приобрели объем. Лица, которые до того, как правило, были торжественно неподвижны, начали оживать. Стремясь передать эмоции персонажей, мастера стали экспериментировать с мимикой и разными физиогномическими типажам (например, в XII в. в западной иконографии впервые появились реалистичные изображения чернокожих). Готический натурализм и новый интерес к тому, как праведность или греховность человека отражаются в его облике, во многом объясняют, почему религиозная инаковость тоже стала зримой.

10. Лица истязателей Христа из Винчестерской псалтири (Англия. Ок. 1150 г.), Книги образов мадам Марии (Брабант или Геннегау. Ок. 1285 г.) и «Коронования терновым венцом», написанного анонимным последователем Иеронима Босха (Нидерланды. Ок. 1530–1540 гг.).

Но почему ее было так важно изобразить? Вспомним о том, что в эпоху Реконквисты и Крестовых походов Запад столкнулся с мусульманским миром, и в сознании европейцев появился главный чужак и враг – сарацин. Примерно тогда же стало резко меняться к худшему положение главных внутренних чужаков – иудеев. IV Латеранский собор 1215 г. потребовал ввести для них, а заодно для сарацин, живущих в христианских землях, специальные идентификационные знаки. В ту же эпоху, в конце XII – начале XIII в., в Католической церкви появились структуры, предназначенные для борьбы с ересями (инквизиция), и начали складываться представления о ереси как о служении Сатане.

Изучая преследования еретиков-катаров и меры по сегрегации иудеев, британский историк Роберт Иэн Мур в конце 1980-х гг. пришел к выводу о том, что все эти процессы совпали по времени совсем не случайно. По его убеждению, в ту эпоху Церковь и монархии стали намного более нетерпимыми к любым проявлениям иноверия и инакомыслия, чем в предшествующие столетия. И в Европе постепенно выстроилась система стигматизации, криминализации, демонизации и преследования любых девиаций, которую он назвал *persecuting society* – «репрессивным обществом»²². Под главный удар попали иудеи, еретики, прокаженные, гомосексуалы и проститутки. По версии Мура, переход к «репрессивному обществу» был делом рук клириков, которые составляли костяк канцелярий и других бюрократических структур, появившихся при

²¹ Caviness 1991. P. 49–55.

²² Moore 2007. См. также: Baschet 2006. P. 331–334

дворе папы и при дворах светских государей. Конструируя новых врагов, они укрепляли власть своих господ и устраняли конкурентов, угрожавших их собственному влиянию²³.

В основе решений IV Латеранского собора лежало стремление утвердить в Церкви, а через нее и во всем христианском обществе строгую иерархичность, централизацию и единообразие (конечно, по меркам, мыслимым и возможным для той эпохи, не располагавшей ни разветвленными бюрократическими аппаратами, ни быстрыми системами коммуникаций). Сплочение клира под все более жесткой властью папы, а христианского общества – вокруг Церкви требовало очистить ее от чужеродных элементов, разграничить христиан и иноверцев, истинные практики отделить от сомнительных и ложных (отсюда обострение борьбы с суевериями и колдовством).

Представление о христианском обществе как о коллективном Теле Христа вело к тому, что поле легитимной инаковости внутри этой системы постоянно сужалось. Иноверие, ересь и суеверие следовало извергнуть вовне или обезвредить через проповедь, покаяние и обращение. В эту эпоху среди духовенства начало утверждаться представление о том, что различные группы иноверцев, инаковерующих и социальных маргиналов составляют единый фронт, объединенный заговором против Церкви. С XIII в. на Западе все активнее стремились к социальной и религиозной прозрачности, к тому, чтобы статус каждого был виден по его внешнему облику и одежде. Соответственно, для иноверцев и маргинальных групп, которые считались нечистыми и опасными, начали вводить специальные знаки.

В любые времена одежда и внешний облик человека могут подсказать, откуда он, чем занимается и каков его достаток. Однако в сословном обществе, где статус каждого закреплен происхождением, а перегородки между социальными этажами чрезвычайно прочны, различия в одеянии служат одной из основ порядка и нередко регламентируются не только обычаями, но и волей властей.

С XIII в. в разных королевствах и городах Европы стали принимать «законы о роскоши». Они были призваны ограничить демонстративное потребление элит, обуздать социальную гордыню и помешать смещению сословий, четко закрепив, кто и как должен выглядеть²⁴. В это время богатство перестало быть исключительным достоянием светской и церковной аристократии. Рядом с ней появились новые богачи из горожан (купцы, банкиры, состоятельные ремесленники), которые тоже могли себе позволить роскошные одеяния и стремились подражать знати. Законы о роскоши напоминали, что каждому следует знать свое место, а низшие сословия не имеют права одеваться так же, как дворяне. Статус каждого должен быть тотчас определен по его одеянию, наглым парвеню из буржуа не подобает выглядеть и жить, как знатные господа²⁵. Французский король Филипп III Смелый в 1279 г. и Филипп IV Красивый в 1294 г., разделив общество на 14 или 32 категории, регламентировали, сколько в каждой из них можно иметь в год «платьев»; какого качества ткани они могут использовать; кому мех дозволен, а кому – нет.

С той же эпохи в разных концах Европы стали регламентировать внешний облик (духовно) опасных, нечистых и презренных групп. Например, проституткам предписывалось одеваться так, чтобы никто по ошибке не принял их за почтенных матрон, а иудеев обязывали носить специальные знаки – каждый христианин должен был понимать, что перед ним (опасный) иноверец.

Изучая знаки инаковости и образы врага, важно помнить о трех вещах, которые неразрывно связаны. *Во-первых*, на средневековом Западе было создано бесчисленное множество изображений римлян, иудеев, сарацин, еретиков и других чужаков или врагов, но лишь на

---

²³ Moore 2007. P. 144–145.

²⁴ Bartholeyns 2014.

²⁵ Hunt 1996. P. 108–109; Jaritz 2000; Jaritz 2016.

некоторых из них они внешне отличаются от нейтральных или праведных персонажей и как-то визуально демонизированы. Религиозная, этническая или даже расовая инаковость не всегда была зрима. Очень часто она подразумевалась, но почти никак не визуализировалась (11). А там, где иноверцы явно отличались от христиан, их не обязательно демонизировали и тем более расчеловечивали. В итальянском искусстве такие примеры встречаются крайне редко. Они, скорее, характерны для северной (английской, фламандской и немецкой) иконографии.

Во-вторых, история отношений христиан и иноверцев, которую отражали и в то же время творили изображения, не сводится к вражде, демонизации, сегрегации, преследованиям или войне.

Католический Запад и исламский мир, конечно, противостояли друг другу в Испании, в эпоху Крестовых походов – на Ближнем Востоке, а позже, с экспансией турок, в Юго-Восточной Европе и по всему Средиземноморью. Они соперничали, сталкивались на поле боя и друг друга демонизировали. Однако в той же Испании или в Южной Италии христиане и мусульмане веками жили бок о бок, западная наука в Средние века многим обязана переводам с арабского, а Османская империя вызывала не только страх и ненависть, но и манила – восточной роскошью и экзотическими товарами. Потому волхвов, пришедших с дарами к младенцу Иисусу, в XV–XVI вв. так часто изображали как роскошно одетых турецких вельмож.

11. Гунны в 451 г. осаждают город Аврелиан (современный Орлеан) в Галлии. На этой французской миниатюре XIV в. завоеватели-степняки ни по цвету кожи, ни по чертам лица, ни по вооружению не отличаются от защитников города. При этом в той же рукописи сарацины – враг недавний и хорошо знакомый – зримо противопоставлялись христианам одеждой и цветом кожи – их лица почти черны (*Fol. 440v, 442*).

Большие французские хроники. Париж. 1332–1350 гг.

London. British Library. Ms. Royal 16 G VI. Fol. 7v

То же касается и отношений между иудеями и христианами. Историю евреев, главного религиозного меньшинства Европы, невозможно описать только как череду гонений, изгнаний и погромов²⁶. Наветы и всплески насилия не отменяют повседневного сосуществования и взаимовлияния культур. Средневековая иконография, конечно, полна фигур иудеев-богоубийц, святотатцев или идолопоклонников. Часто они утрированно безобразны и представлены как

²⁶ Strickland 2003. P. 97–98; Merback 2011. P. 7–11.

коварные враги Христа и христиан. Такие изображения подпитывались юдофобскими мифами и сами служили одним из главных проводников антиеврейских чувств²⁷.

Тем не менее в церковной картине мира у иудаизма было особое положение. Он воспринимался одновременно как антипод христианства и как его предок – вера пророков, предсказавших воплощение Христа²⁸. Средневековые богословы, а вслед за ними художники или скульпторы обличали и демонизировали иудеев, но в то же время уповали на их обращение. В одних сюжетах иудейских первосвященников противопоставляли христианским клирикам, в других – представляли как их предшественников²⁹. Эту двойственность нельзя упускать из виду.

Например, в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия, в популярнейшем «Романе об Александре», в средневековых хрониках или романах можно было прочесть о том, как иудейский первосвященник отказался помочь македонскому владыке в войне с персидским царем Дарием. За это Александр решил разорить Иерусалим. Первосвященнику Иаддую был послан пророческий сон, как спасти город. Одевшись в белое, священнослужители и простые жители вышли навстречу завоевателю. И тот, раздумав разорять святой город, почтил имя Бога, написанное на табличке, которую несли перед первосвященником или которая была закреплена на его головном уборе. А после этого отправился в Иерусалимский храм, чтобы совершить жертвоприношение³⁰.

Как изобразить иудейского первосвященника? Тут у средневековых мастеров было несколько вариантов. Одни ожидаемо подчеркивали его еврейство. И на манер, принятый в византийском и итальянском искусстве, представляли его в накинутом на голову покрывале, похожем на иудейский *талит*³¹. В руках он держал футляр (*тик*), в каких со Средних веков в синагоге хранили свиток Торы, или скрижали с заповедями, дарованными Богом пророку Моисею и еврейскому народу на горе Синай.

Однако на многих иллюстрациях к истории Александра Македонского иудейский первосвященник выглядит как христианский клирик: с выбритой на голове тонзурой, в епископской митре или даже в высокой тиаре, как у римского папы. Он держит в руках скрижали, но на них латинскими буквами написано: *Ave Ihs*. Это начало христианского гимна *Ave Jesu Christe, verbum Patris* – «Аве, Иисус Христос, Слово Отца»³². На других изображениях за спиной у первосвященника несут свечи, крест или несколько крестов. А на миниатюре во французской рукописи (1338–1344 гг.) «Романа об Александре» жители Иерусалима выходят навстречу царю не только с крестами, но и с хоругвью, на которой изображена Дева Мария с Младенцем³³. Такие визуальные решения нивелировали иудейскую специфику этого сюжета и подчеркивали, что доблестный завоеватель-язычник на самом деле склонился перед христианским Богом (12). В Средние века Александра Македонского, который мирно овладел Иерусалимом, нередко представляли как прообраз крестоносца.

²⁷ Средневековые клирики часто говорили о том, что изображения сильнее воздействуют на эмоции, чем слова. К примеру, доминиканец Иоанн Генуэзский в энциклопедическом словаре под названием «Сумма грамматики, или Католикон» (1286) резюмировал эти идеи так: «Знай, что для введения образов в храмы было три причины. Во-первых, дабы наставлять простой люд, что обучается по ним, как по книгам. Во-вторых, дабы таинство вочеловечивания и деяния святых крепче врезывались в память нашу посредством ежедневного их лицезрения. В-третьих, дабы пробуждать в нас набожные чувства, кои живее возгораются от увиденного, нежели от услышанного» (цит. по: Баксандалл 2019. С. 58).

²⁸ На одном из витражей в Шартрском соборе четыре евангелиста сидят на плечах у четырех еврейских пророков – Исайи, Иезекииля, Даниила и Иеремии (Маль 2008. С. 44, Ил. 7).

²⁹ Rainer 2018. P. 85, 87, Fig. 4.5.

³⁰ Rainer P. 85; Cruse 2011. P. 153–162

³¹ Dijon. Bibliothèque municipale. Ms. 562 (Сен-Жан-д'Акр, ок. 1260–1270 гг.). Fol. 170v. См.: Rainer 2018. P. 85–87, Fig. 4.4.

³² The Hague. Koninklijke Bibliotheek. Ms. 78 D 47 (Северная Франция, ок. 1250–1260 гг.). Fol. 117. См.: Rainer 2018. P. 87, Fig. 4.5.

³³ Oxford. Bodleian Library. Ms. Bodl. 264. Pt. 1, Fol. 43v. См.: Rainer 2018. P. 99; Cruse 2011. P. 165–170.

В-третьих, значение многих знаков определялось контекстом. Возьмем те же скрижали. В средневековой католической иконографии было немало сюжетов, где две каменные плиты олицетворяли Ветхий Завет и еврейский закон как почтенных предшественников Евангелий и христианской благодати, необходимый, пусть и пройденный, этап на пути к Боговоплощению, искуплению и спасению человека. В христианской экзегезе Библии Моисей выступал как один из прообразов (или в богословской терминологии – *типов*) Христа³⁴.

Вот почему Йос ван Клеве, как и многие фламандские художники до него, поместил в комнату, где Дева Мария услышала от архангела Гавриила благую весть о том, что она родит Богочеловека, изображение Моисея со скрижалями. У него это раскрашенная гравюра, которая приколоты к стене (13 вверху).

Однако те же скрижали служили атрибутом Синагоги – фигуры, которая чаще всего олицетворяла иудаизм как веру слепцов, не способных признать в Христе Мессию, обещанного пророками, а потому обреченных на погибель. На многих изображениях скрижали в руках Синагоги противопоставлялись евхаристической чаше, которую держала Церковь. На других – скрижали падали из рук Синагоги и разбивались³⁵. На грубоватом рисунке в одной из немецких рукописей «Зеркала человеческого спасения» – популярного «справочника» по типологическим связям между Ветхим и Новым Заветами – Синагога со сломанным древком в руках верхом на осле летит в тартарары, а за ней громоздятся десять скрижалей – видимо, по числу заповедей (13 в середине)³⁶. Аналогично на гравюренемецкого мастера Исраэля ван Мекенема на первом плане воины издеваются над Христом и коронуют его терновым венцом, а в глубине совещается группа мужчин. Один из них, видимо, первосвященник, добивавшийся его казни, одет в плащ, который скреплен фибулой в форме скрижалей (13 внизу). На его груди эти две таблички, конечно, напоминали не о преемственности иудаизма и христианства, а о том, что инициаторами распятия Христа были именно иудеи.

---

³⁴ О фигуре Моисея в средневековом богословии и искусстве см.: Mellinkoff 1970. О позитивной и негативной символике скрижалей см.: Mellinkoff 1993 I. P. 99–10.

³⁵ В одной французской Библии XIII в. в инициале изображены трое: апостол Павел с книгой в руках, католический клирик с чашей для евхаристии, который на него смотрит, и пророк Моисей. Последний указывает на разбитые скрижали, лежащие у ног клирика. Эта сцена противопоставляет христианскую благодать и еврейский закон, который утратил свое значение: «Христос искупил нас от клятвы закона» (Гал. 3:13). См.: Mellinkoff 1993 I. P. 102. В Антифонарии (ок. 1160 г.) из бенедиктинского монастыря Св. Петра в Зальцбурге Синагога с завязанными глазами вместо скрижалей держит ярмо, олицетворявшее ярмо еврейского закона (Schreckenber 1996. P. 37, Fig. 5).

³⁶ Об иконографии Синагоги в Средние века см.: Seiferth 1970; Schreckenber 1996. P. 31–66; Rowe 2011. P. 40–60.

12. *Вверху*: Иудейский первосвященник одет в митру епископа, а за ним стоят другие священники – в юденхутах, указывающих на их еврейство.

Роман об Александре. Южные Нидерланды. Нач. XIV в.

London. British Library. Ms. Harley 497. Fol. 27v

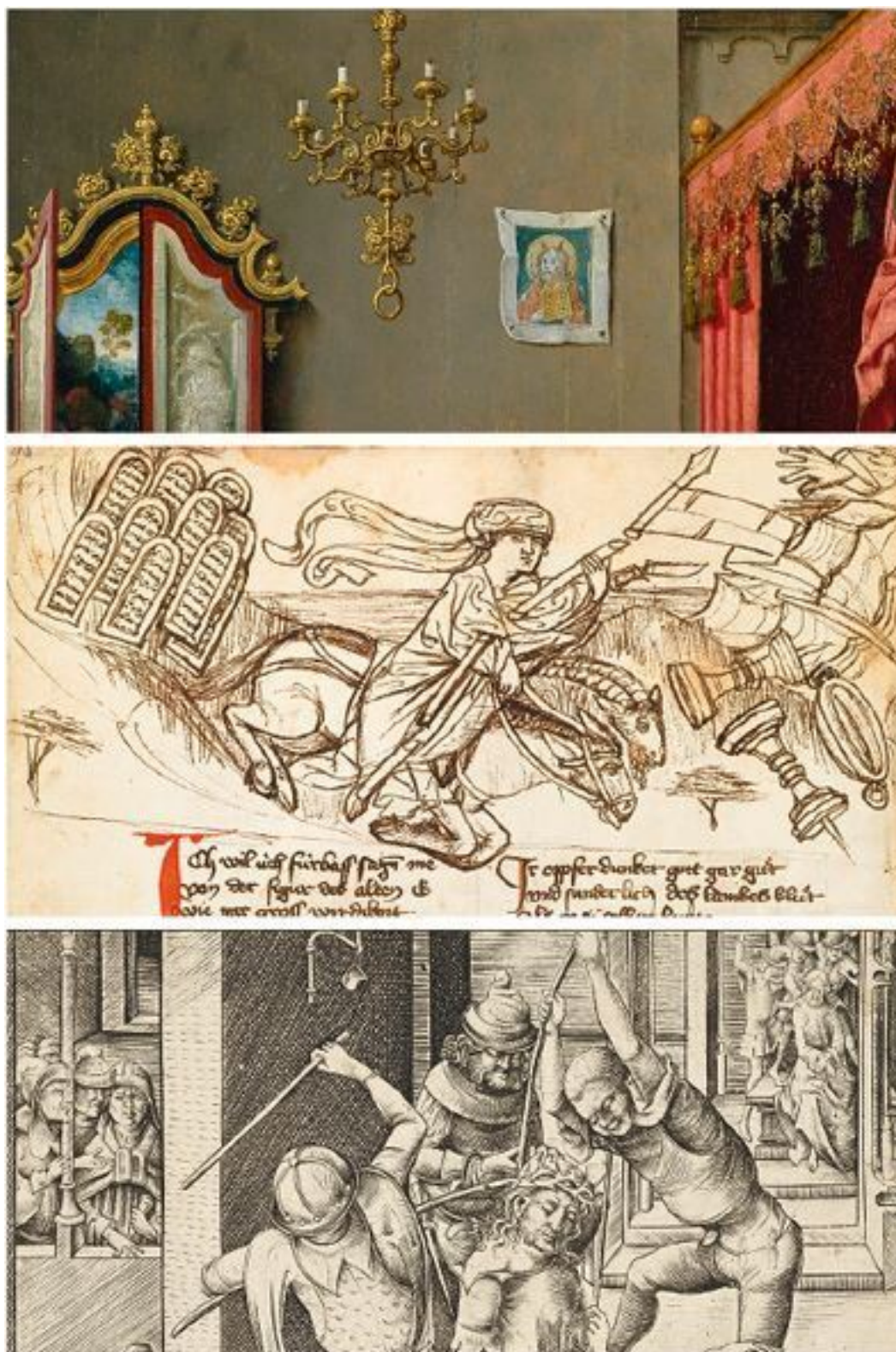
Внизу: Первосвященник одет в высокую тиару, которая напоминает папскую и увенчана крестом. Он протягивает Александру для поклонения предмет, похожий на половину футляра, в котором в Средние века хранили свитки Торы. Иерусалим сзади выглядит как североευропейский город с фахверковыми домами, однако на башнях установлены полумесяцы.

Древняя история до Цезаря. Париж. Ок. 1460–1465 гг.

Paris. Bibliothèque nationale de France. Ms. Français 64. Fol. 138

Знаки инаковости, с помощью которых в Средние века маркировали, стигматизировали, а порой демонизировали иноверцев и еретиков, давно интересовали историков. Им посвящены работы Рут Меллинкофф, Дебры Стрикленд, Даниэль Санси, Сары Липтон, Митчела Мёрбэка, Светланы Лучицкой и других исследователей религиозной полемики и католической иконографии. В этой книге я хотел бы отправиться по их стопам и сфокусироваться на том, как средневековые клирики, а вслед за ними художники и скульпторы выстраивали визуальный дискурс об иновении как единой опасной силе; различали и столь же часто отождествляли иудеев, мусульман, язычников и еретиков; как знаки инаковости мигрировали от одной группы «чужаков» к другой, из мира изображений в реальный мир и обратно. Эта книга – своего рода путеводитель по средневековым образам Другого – состоит из двух частей.

Первая посвящена материальным знакам инаковости: особым шапкам, в каких представляли иудеев и других иноверцев; желтым крестам, которыми маркировали еретиков; бумажным «митрам» с изображениями бесов, в которых их отправляли на костер, а также воображаемым гербам и другим символам, которые приписывали римлянам, иудеям, сарацинам и другим иноверцам из библейской древности или из настоящего, чтобы изобличить их как клеветов дьявола. Часть этих знаков применялась в реальности, часть существовала только в иконографии, а некоторые можно было увидеть и на площади, и на книжной миниатюре или на фреске в церкви.

13. *Вверху:* Йос ван Клеве. Благовещение. Ок. 1525 г.

New York. The Metropolitan Museum of Art. № 32.100.60

В середине: Зерцало человеческого спасения. Ок. 1440 г.

St. Gallen. Kantonsbibliothek. Vadianische Sammlung. Ms. VadSlg 352 1–2. Fol. 98

Внизу: Исраэль ван Мекенем. Коронавание Христа терновым венцом. Ок. 1475–1485 гг.

New York. The Metropolitan Museum of Art. № 41.1.154

Вторая часть рассказывает о том, как в средневековой иконографии представляли тела иноверцев, и в первую очередь богоубийц и палачей раннехристианских мучеников; об их анимализации, утрированном уродстве и болезнях тела как отражении «болезней» души; о средневековой истории «еврейского носа»; о чернокожих римлянах и иудеях и о том, как расовая инаковость указывала на принадлежность персонажей изображения к миру зла.

Тело не пребывает в статике – оно движется, особенно тела грешников, которые (временно) отпали от божественного порядка. Одна из главных примет негативных персонажей в иконографии – это порывистая мимика и жестикуляция. Они скрежещут зубами, показывают языки, растягивают кончики рта, складывают пальцы в фигу, неестественно задирают головы, дергаются, выворачиваются или поворачиваются к зрителю спиной. Эти ухмылки, ужимки и прыжки демонстрировали их злобу и позволяли «услышать» проклятия, которые они обрушивали на Христа и мучеников. Во множестве изображений, текстов и действий насилие над святыми телами неразрывно связано с глумлением и осмеянием. Потому историкам так важно расшифровать те жесты, с помощью которых злодеи на стольких образах противопоставлялись праведникам, а иноверцы – христианам.

I материальные знаки

I.1.1. «Констанцская хроника» Гебхарда Дахера. Констанц. 1472–1476 гг.
St. Gallen, Stiftsbibliothek. Cod. Sang. 646. P. 40av

judenhut: главный (анти)еврейский знак

На одной из миниатюр в хронике, составленной Гебхардом Дахером (1421–1471), городским советником Констанца, шестеро мужчин со всех сторон вонзают ножи в тело голого мальчика (I.1.1). Перед нами ритуальное убийство христианского ребенка – одно из главных обвинений, которые с XII в. выдвигали против иудеев в разных концах Европы. О том, что убийцы именно евреи, говорят их странные головные уборы, похожие на перевернутые воронки. С XI по XVI в. в искусстве многих католических стран, расположенных к северу от Альп и Пиренеев, похожие шапки служили главным маркером «иудейства»³⁷.

От столетия к столетию и от региона к региону их форма менялась: от плотно сидящих на голове полусфер с небольшим шариком наверху до высоких треугольников, отдаленно напоминающих епископские митры, от мягких, согнутых вперед колпаков до твердых шляп с широкими полями и «трубкой» сверху (I.1.2)³⁸. Историки обычно называют головные уборы, в которых изображали иудеев, описательно («высокие шапки», «остроконечные шапки») либо именуют их на немецкий манер *Judenhut* («еврейская шапка»)³⁹. Тем самым они закрепляют в сознании читателей, что всякий персонаж в таком колпаке – иудей (I.1.3). Поскольку юденхуты (для краткости мы тоже будем использовать этот термин) венчали головы евреев на многих изображениях, которые изобличали их как богоубийц, алчных ростовщиков, святотатцев, идолопоклонников или клеветов Антихриста, эти шапки часто воспринимаются как стигма, один из многочисленных «знаков ненависти».

История юденхутов – один из ключей к средневековой антииудейской иконографии. Однако в ней остается много непонятного. Почему главным еврейским знаком стала именно остроконечная шапка? Как объяснить, что на многих изображениях она оказывалась на головах неевреев: от язычников (филистимлян или франков) до «татар», как называли монголов? Ответив на эти вопросы, мы сможем лучше понять, как в Средневековье «работали» знаки инаковости и как историкам следует их изучать сегодня.

---

³⁷ Lipton 1999. P. 15–19; Lipton 2014. P. 21–39.

³⁸ Например, в «Саде наслаждений» (*Hortus deliciarum*) – энциклопедии, созданной в последней четверти XII в. аббатисой Геррадой Ландсбергской, остроконечные шапки иудеев, перед которыми проповедуют пророки Илия и Енох, очень похожи на высокую митру, водруженную на голову епископа римского. См.: Campbell 2015. P. 87 (n. 15), 105, Fig. 1; ср.: Fig. 2, 4, 5. Эта рукопись погибла во время осады Страсбурга в 1870 г., однако ее миниатюры и тексты известны по копиям, сделанным в XIX в.

³⁹ Немецкое выражение «еврейская шапка» (*eynen Juden huet*) встречается уже в средневековых текстах. Головные уборы, которые должны были носить иудеи, также называли «рогатыми шапками» (*cornutum pileum*) или «еврейскими митрами» (*mitra judaica*). См.: Sansy 1992. P. 351; Schöner 2006. P. 360–365.

1.1.2. Формы еврейских шапок в иконографии XI–XV вв.

I.1.3. Пополнение в семье Авраама и Сарры. Их новорожденный сын Исаак, который лежит в колыбели, как и отец, изображен в юденхуте, ведь он тоже еврей. В аналогичном духе короли на средневековых изображениях часто спят в коронах. Эта деталь показывала зрителю, кто они, но он явно понимал, что на самом деле монархи отходят ко сну без корон, что это всего лишь знак их статуса. На этой миниатюре таким же знаком служит юденхут, в который одевают даже младенца.

Рудольф фон Эмс. Всемирная хроника. Вернингероде. Ок. 1280 г.
München. Bayerische Staatsbibliothek. Ms. Cgm 8345. Fol. 38

иудеи в христианском искусстве

Если мы взглянем на иллюстрации к Библии или житиям святых, которые создавали на католическом Западе до XI в., и попытаемся найти там иудеев, нас ждет фиаско. Не потому, что их там нет, а из-за того, что внешне они (почти) никак не отличаются от римлян-язычников или даже от христиан (I.1.4). Без текста или кратких подписей в нем трудно отыскать знаки, которые помогали бы различить разные этнические группы. Тем, что столетия спустя назовут «еврейским вопросом», христианское искусство почти не интересовалось.

I.1.4. Апостол Павел проповедует перед иудеями и язычниками. Кто именно перед ним, можно понять только из подписи («*iudei et gentes*»). Но кто из них язычники, а кто – иудеи, определить невозможно.

Сборник с посланиями апостола Павла и сочинениями Алкуина и Апулея. Монастырь Санкт-Галлен. Третья четверть IX в.

St. Gallen. Stiftsbibliothek. Cod. Sang. 64. P. 12

Американский историк Сара Липтон начинает свою книгу «Черное зеркало. Средневековые истоки антиеврейской иконографии» с емкого описания этого сдвига. «В первую тысячу лет христианской истории иудеи в западном искусстве оставались невидимы. Разумеется, в рукописях или на архитектурных монументах изображали древнееврейских пророков, армии израильтян и иудейских царей, но их можно было идентифицировать только благодаря контексту, и сами по себе они ничем не отличались от других мудрецов, воинов и королей. А потомков этих библейских персонажей, т. е. средневековых иудеев, на изображениях вовсе не было. Затем после 1000 г. евреи внезапно вышли из тьмы. Наряду с пророками и фарисеями в христианских произведениях искусства стали регулярно появляться и современные иудеи. И появилось несколько наборов визуальных знаков, призванных их идентифицировать, а через

это изобличить. К позднему Средневековью иудей превратился в один из самых могущественных и зловещих символов, какие только существовали в христианском искусстве»⁴⁰.

Отношение христианства к иудаизму всегда было двойственным. На средневековых изображениях израильтяне ветхозаветных времен обычно выступали как почтенные «предки» христианства, напоминавшие о преемственности между Ветхим и Новым Заветами. А вот их потомкам – современникам Христа, которые не стали христианами, и средневековым иудеям – была отведена совершенно другая роль: врагов Бога. В истории таких образов важно обращать внимание на контекст. Так, в руках древних пророков длинные свитки олицетворяли Священное писание, которое было доверено избранному народу. В Ветхом Завете видели указания на грядущее Боговоплощение и крестную смерть Христа. Однако в руках фарисеев или Синагоги – женской фигуры, которая в средневековой иконографии олицетворяла иудаизм, те же свитки приобретали зловещий смысл. Они обличали мертвящую букву закона и слепоту иудеев, которые не способны понять истинного смысла своих же священных книг.

Знак один, а ассоциации разные. Примерно так же складывалась история юденхута. Островерхая шапка как знак «иудейства» появилась в западной иконографии в начале XI в., а в следующем столетии уже стала вездесуща (I.1.5). Но откуда она взялась? Существует две альтернативные версии. Первая гласит, что в ту пору еврейские мужчины в Северо-Западной Европе, где впервые возникли такие изображения, действительно носили колпаки похожего покроя⁴¹. Потому художники, иллюстрировавшие ветхо- или новозаветные сюжеты, просто одели своих персонажей на современный лад, изобразили древних евреев как современных. Такой анахронизм был органичен для средневекового искусства. Ведь, скажем, воинов египетского фараона, которые, преследуя Моисея, сгинули в Красном море, или легионеров Юлия Цезаря чаще всего изображали в облике рыцарей.

---

⁴⁰ Lipton 2014. P. 1–3.

⁴¹ Наоми Любрих указывает на то, что мода на остроконечные головные уборы могла прийти в Европу с Востока. В Багдадском халифате времен его расцвета при начале династии Аббасидов (с 750 г.) стали популярны конические шапки, известные как «калансувы». Оттуда они попали в Испанию и вполне могли распространиться среди еврейских общин (Lubrich 2015. P. 140–142).

1.1.5. Иудеи (двое из них в юденхутах) забрасывают камнями иерусалимского дьякона Стефана, который стал первым христианским мучеником.

Книга перикоп из монастыря Санкт-Эрентруд в Зальцбурге. Ок. 1140 г.

München. Bayerische Staatsbibliothek.

Ms. Clm. 15903. Fol. 11v

Существуют свидетельства о том, что в германских землях евреи действительно носили какие-то островерхие шапки, отличавшие их от христиан. В 1215 г. IV Латеранский собор потребовал ввести для иудеев и сарацин идентификационные знаки, но не указал какие. Реализуя этот призыв, церковные и светские власти стали вводить для них нашивки или предписывали носить одежду определенного покроя и цвета. В 1266 г. собор в Бреслау, а в 1267 г. собор в Вене постановили, что иудеи, дабы отличаться от христиан, обязаны ходить в «рогатых шапках» (*cornutum pileum*), которые они когда-то носили⁴². В 1275 г. то же предписание было введено в Аугсбурге, в 1290 г. – в Нюрнберге, в 1397 г. – в Берлине, а в 1389 г. – в Эрфурте. В

⁴² Sansy 1992. P. 351; Pastan 1994. P. 70; Lubrich 2015. P. 144–147; Shalev-Eyni 2016a. P. 178–179.

«Швабском зеркале», правовом кодексе, составленном около 1275 г. неким францисканцем в Аугсбурге, просто говорилось, что евреи должны ходить в «высоких шапках»⁴³. Если в Англии и Франции главным знаком для них в XIII в. стали нашивки разных форм и цветов, в германских землях ту же роль играли юденхуты⁴⁴. Однако из формулировок соборных решений следует, что местные евреи ходили в них задолго до того, как христианские власти сделали их ношение обязательным, а сами оставили этот обычай. Чтобы не отличаться от христиан и не подвергать свою безопасность угрозе?

Визуальная ассимиляция, размывавшая границы между общинами и делавшая иноверцев опасно похожими друг на друга, вызывала беспокойство и недовольство как у христианских иерархов, так и у многих раввинов. Еще в XII в. рабби Авраам бен Ицхак из Нарбонна сетовал на то, что евреи, отправляясь куда-то в путь, выглядят так же, как «гой», а раввины в XII–XIII вв. порой запрещали единоверцам одеваться на христианский манер, брить бороды и отращивать длинные волосы⁴⁵. Однако сколь многие иудеи подражали христианской моде и что именно они носили в разных концах Европы, увы, сказать сложно.

По второй версии, которой придерживается Липтон, остроконечные шапки не были «подсмотрены» христианами художниками у тогдашних евреев, а были ими придуманы, чтобы как-то маркировать нехристиан. Иудеи, жившие в XI–XII вв. в Северной Франции или в Рейнской Германии, где появились такие изображения, чаще всего одевались так же, как их соседи-христиане (аналогично и в мусульманских землях евреи обычно перенимали одежды господствующего большинства и носили тюрбаны). Средневековые общины этих земель не следует представлять как польские местечки XIX в. или ультраортодоксальные пригороды Бруклина, где по улицам ходят бородатые мужчины в черных широкополых шляпах. В американском телефильме «Айвенго» (1982 г.) актер Джеймс Мэйсон, исполнявший роль еврея Исаака из Йорка, носил пейсы, огромный юденхут и говорил с идишитским акцентом хасидского рабби. В реальной Англии XII в., как подчеркивает Липтон, иудеи разговаривали по-французски и, возможно, многие из них одевались, как знатные норманны. И не носили никаких головных уборов, которые указывали бы на их вероисповедание⁴⁶.

Самое раннее из известных сегодня изображений, на которых иудеи одеты в высокие головные уборы, восходит к началу XI в. Речь идет о рукописи, которую принято называть Вторым Евангелием епископа Бернварда Хильдесхаймского. На одной из миниатюр безбородый Иоанн Креститель проповедует перед группой из четырех бородатых мужчин в треугольных, слегка загнутых назад шапках. Видимо, это религиозные лидеры иудеев – фарисеи и саддукеи (Мф. 3:7), «священники и левиты» (Ин. 1:19) (I.1.6). В другом месте в таких же колпаках изображены двое «начальников» и первосвященник, которые заплатили Иуде Искариоту 30 сребреников за то, что он предаст Христа (Лк. 22:4-5)⁴⁷.

Липтон обратила внимание на то, что в этой же рукописи похожие уборы венчают головы трех волхвов, пришедших с Востока с дарами, чтобы поклониться новорожденному Спасителю. В христианской традиции в них видели восточных жрецов, мудрецов или магов, которые олицетворяли обращение язычников к Христу. Потому с поздней Античности волхвов стали представлять в головных уборах, которые тогда ассоциировались с Востоком: фригийских колпаках⁴⁸.

---

⁴³ Lubrich 2015. P. 144–145.

⁴⁴ В германских землях шапки уступили место нашивкам только в XV в. В 1434 г. собор в Аугсбурге потребовал, чтобы все иудеи прикрепили себе к одежде знак в форме желтого кольца (*Ringel*). Позже это требование было введено и во многих других городах. См.: Shalev-Eyni 2016a. P. 181.

⁴⁵ Sansy 1992. P. 350.

⁴⁶ Lipton 2014. P. 287 (n. 7).

⁴⁷ Hildesheim. Dom- and Diözesanmuseum. Ms. 18. Fol. 75, 118.

⁴⁸ Как на мозаике в церкви Сан-Аполлинаре-Нуово в Равенне (Lubrich 2015. P. 141, n. 12) или рельефе из слоновой кости,

Речь идет о мягком головном уборе с загнутым вперед верхом. Его изготавливали из валяной шерсти или кожи. В античные времена в таких шапках ходили жители Балкан (Фракии, Дакии, Далмации), а также Малой Азии. Потому в греческом искусстве в них изображали не только их, но и других людей с реального или воображаемого Востока: скифов, троянцев, персов или амазонок. А заодно их божеств, например Бендиду – фракийскую богиню-охотницу, которую греки отождествили со своей Артемидой.

I.1.6. Второе Евангелие Бернварда Хильдесхаймского. Ок. 1015 г.
Hildesheim. Dom- and Diözesanmuseum. Ms. 18. Fol. 75

созданном в Трире в VII или VIII в. (Strickland 2016a. Fig. 7). См. также: Trexler 1997. P. 22, 31–33, Fig. 5.

Связь фригийского колпака с Востоком сохранилась и в воображении римлян⁴⁹. Для них он олицетворял не только восточных соседей или врагов империи (например, парфян), но и восточные культы (как митраизм), которые приобрели немало последователей на Западе. Так, на фресках, созданных около 244 г. в синагоге в городе Дура-Европос, воздвигнутом в сирийской пустыне, персидский царь Ахашверош (Артаксеркс) и его царедворец Аман, замысливший извести всех евреев, изображены во фригийских колпаках, а сами евреи – на греческий или римский манер – с непокрытыми головами⁵⁰. Аналогично в раннехристианской иконографии фригийский колпак, напомилавший о восточной мудрости и тайных знаниях, стал головным убором волхвов, а в Средние века в нем порой представляли ветхозаветных пророков (I.1.7).

Несмотря на то что волхвы – язычники, пришедшие с Востока, признали божественность новорожденного, а иудеи, чьи пророки предсказали его пришествие, отказались видеть в нем Мессию, и те и другие во Втором Евангелии Бернварда Хильдесхаймского предстают в одинаковых шапках. Такие головные уборы, вероятно, указывали на их высокий статус. Как раз после 1000 г. в Германии епископы, вслед за папами римскими, как напоминает Липтон, стали носить высокие митры, которые подчеркивали их религиозный авторитет и политический вес. Потому в Евангелии Бернварда Хильдесхаймского колпаки иудейских старейшин не изобличали их за иноверие, а, напротив, уподобляли волхвам и, возможно, представляли как предшественников христианских епископов.

I.1.7. Фригийские колпаки. Слева: Бендида. Кипрская статуя III в. до н. э. (*New York. The Metropolitan Museum of Art. № 74.51.2477*); в центре – Поклонение волхвов. Мозаика в церкви Сан-Апполинаре-Нуово в Равенне, 561 г.; справа: Пророк Исаия. Инициал из рукописи с комментариями св. Иеронима к Евангелиям от Матфея и Марка.

Энгельберг. 1143–1178 гг.

Engelberg. Stiftsbibliothek. Cod. 48. Fol. 5

Однако со временем эти ассоциации были забыты. В XI–XII вв. отношение христианского большинства к иудейскому меньшинству на средневековом Западе резко ужесточилось. В 1096 г., когда армии крестоносцев стали собираться по Европе, чтобы выдвинуться в Святую землю, по германским городам (Шпайеру, Вормсу, Майнцу, Кёльну, Триру, Мецу, Бамбергу,

⁴⁹ В Риме похожие войлочные шапки (известные как *pileus*) получали вольноотпущенники – рабы, которых хозяева отпустили на свободу или которые сами себя выкупили. По аналогии с *pileus* символика освобождения была перенесена и на восточный фригийский колпак. Потому в эпоху Французской революции красный колпак (*bonnet rouge*) превратился в символ свободы. В нем, в частности, стали изображать Марианну – персонификацию Французской Республики.

⁵⁰ Lubrich 2015. P. 139.

Регенсбургу) прокатилась первая волна еврейских погромов. Они были обращены против тех, кого фанатичные толпы считали не просто потомками богоубийц, а почти богоубийцами во плоти. Во многих случаях правящие епископы и архиепископы пытались защитить еврейские общины, но не могли ничего противопоставить вооруженным отрядам погромщиков⁵¹. Похожие волны насилия поднимались накануне или во время Второго и Третьего Крестовых походов. Так, в 1189–1190 гг. погромам подверглись еврейские общины Лондона, Йорка и других английских городов⁵².

В тот же период на Западе постепенно складывается классический набор обвинений в адрес иудеев, которые продолжали потом звучать на протяжении всего Средневековья, а где-то и в Новое время. Речь идет о ритуальном убийстве христианских младенцев («кровавый навет»), осквернении христианских культовых образов и осквернении гостий – Тела Христова⁵³. А в католической иконографии появилось множество персонажей-иудеев, которые воплощали религиозную инаковость и дьявольскую враждебность Христу и христианству. Их главным опознавательным знаком как раз стал юденхут.

от свидетелей к богоубийцам

Кто виновен в смерти Христа? Римляне или иудеи? И те и другие? Но чья вина больше? В трех синоптических Евангелиях – от Матфея (гл. 27), Марка (гл. 15) и Луки (гл. 23) – было сказано, что он был распят воинами римского прокуратора Понтия Пилата, которого подвигли к этому иудейские первосвященники и старейшины, требовавшие казнить мятежного проповедника. По версии, изложенной в Евангелии от Иоанна, Пилат передал Христа в руки иудеев: «И сказал Пилат Иудеям: се, Царь ваш! Но они закричали: возьми, возьми, распни Его! Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященники отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря. Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса» (Ин. 19:14–18).

Со времен Отцов Церкви многие христианские богословы и проповедники возлагали основную, а то и всецелую ответственность за распятие на иудеев. Этот взгляд около 425 г. емко сформулировал Августин Гиппонский: «Так умер Господь. Иудеи его хватают, иудеи оскорбляют, иудеи связывают, иудеи венчают терниями, плевками бесчестят, бичуют, поносят, на древо вешают, копьем пронзают, а после погребают»⁵⁴. В этой фразе, построенной на навязчивом повторении подлежащего, вина за все муки, которые претерпел Христос (даже за те, которые, по свидетельству евангелистов, были делом рук римлян), переносится на евреев.

В эпоху, когда христианство из преследуемой секты превратилось в господствующую религию, полемика с Римом утратила былую остроту. Рим стал восприниматься не как преследователь, пространство языческое и враждебное, а как христианская империя – идеальная политическая форма, всемирная держава, в которой воплотился Христос и которая призвана распространить его слово по всей земле. Римские папы, а позже императоры, начиная с Карла Великого, воспринимали себя как продолжатели Рима, наследники его славы и провиденциальной миссии. В эпоху институциональной и доктринальной консолидации Церкви на первый план вышло противостояние внутреннему иноверию – ересям, а также иудаизму – заблудшему предку христианства⁵⁵.

---

⁵¹ Cohn 2011. P. 76–77.

⁵² Moore 2007. P. 28–30.

⁵³ Первый известный пример «кровавого навета» восходит к 1144 г., когда евреев Норича (Англия) обвинили в убийстве 12-летнего мальчика по имени Уильям (Moore 2007. P. 34). См.: Поуз 2021.

⁵⁴ PL 40. Col. 634. См.: Oort 2009. P. 257–258; Capriotti 2014. P. 92.

⁵⁵ Rohrbacher 1991. P. 299; Capriotti 2014. P. 77–78.

Если сформулировать церковный взгляд на Израиль предельно кратко, возникает следующая картина. Отказавшись признать, что Иисус – Мессия, давно обещанный их пророками, иудеи совершили грех отступничества и сознательно обрекли Сына Божьего на смерть. Тем самым они утратили статус избранного народа, а Новым Израилем стали христиане. Пилат, к которому привели Иисуса, не нашел за ним никакой вины. Однако еврейские первосвященники и старейшины возбудили против него народ. Иерусалимская толпа потребовала, чтобы Пилат освободил разбойника Варавву, а Христа отправил на смерть. Иудеи кричали: «Кровь его на нас и на детях наших» (Мф. 27:25). Потому вина за богоубийство лежит не только на тех, кто сам требовал его смерти, но и на всех их потомках. Каждый иудей – богоубийца. Как некогда Каин, который в наказание за убийство Авеля был проклят и обречен на вечные скитания, еврейский народ был наказан тем, что римляне разрушили Иерусалимский храм, сыны Израиля оказались в рассеянии и теперь вынуждены скитаться по чужим землям (I.1.8)⁵⁶.

Однако, в отличие от язычников или еретиков, иудеи, жившие в христианских землях, могли сохранить свою веру, и их было запрещено принуждать к крещению. В соответствии с доктриной, которую сформулировал тот же Августин, они слепы к истинному смыслу своего Писания и посланных им пророчеств. Тем не менее иудеи остаются их хранителями и «свидетелями» Страстей. То, что они живут как скитальцы и вынуждены признавать власть христианских владык, вечно напоминает о каре, постигшей их за убийство Богочеловека. А их покорное присутствие в христианских королевствах свидетельствует о торжестве истинной веры. Эта доктрина закрепляла за иудеями статус проклятого народа и в то же время даровала им свободу вероисповедания, гарантировала личную безопасность и в течение нескольких столетий служила основой церковной политики по отношению к ним⁵⁷.

---

⁵⁶ В немецкой рукописи начала XIII в., известной как *Cursus Sanctae Mariae Virginis*, Каин изображен в шапке, похожей на один из вариантов юденхута. Он огромной дубиной убивает Авеля, который, в отличие от него, стоит с непокрытой головой (New York. Morgan Library & Museum. Ms. M. 739. Fol. 9v; см.: Pastan 1994. P. 70). Головной убор Каина достаточно широкий и низкий. По своему покрою он отличается от высоких острых юденхутов, в каких в той же рукописи представляли древних израильтян. Однако, видимо, важно, что в сцене первого на земле убийства Каин одет в еврейскую (или похожую на нее) шапку, а Авель – нет.

⁵⁷ Rohrbacher 1991. P. 297–299; Strickland 2016a. P. 54.

1.1.8. Как сказано в этой Морализованной Библии, проклятие Каина за братоубийство возвещает проклятие иудеев за богоубийство. Потому Каин (слева сверху) и иудеи (слева внизу) изображены в одной позе бегства и поражения: они движутся вперед, в ужасе обернувшись назад – на того, кто их изгоняет. Иудеи, которые держат в руках свиток, одеты в юденхуты двух разных конструкций: твердый высокий и низкий, мягкий, похожий на фригийский колпак.

Морализованная Библия. Париж. Ок. 1225 г.

Wien. Österreichische Nationalbibliothek. Cod. Vindobonensis 1179. Fol. 19

При этом она напоминала о том, что евреи за богоубийство прокляты и осуждены на вечное рабство. Это понятие означало не то, что они буквально будут порабощены, а то, что они обрекли себя на зависимость от народов, в землях которых живут. Позже это представление получило и юридическое воплощение, когда евреев, как особую категорию подданных, стали считать сервами короля или императора. Этот статус даровал им защиту от феодалов или народа со стороны короны, но подразумевал, что государь может взимать с них экстраординарные подати или как-то еще выжимать из них деньги для своих нужд⁵⁸.

В 1146 г. Петр Достопочтенный, аббат Клуни, который был крайне резко настроен против иудеев, писал королю Людовику VII, что Господь, конечно, не желает, чтобы они были физически уничтожены. Ведь сказано: «Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой» (Пс. 58:12). Однако их жизнь, как жизнь Каина, должна стать хуже, чем смерть. До самого конца времен им предстоит скитаться и пребывать в страхе, а христиане имеют право их угнетать, поскольку евреи обогащаются нечисто плотными методами⁵⁹. В 1199 г. папа Иннокентий III в специальной конституции, озаглавленной «Об иудеях» (*Pro judeis*), напомнил о том, что, хотя евреи обречены на вечное рабство, христиане не должны их угнетать слишком сильно (*non sunt a fidelibus graviter opprimendi*). Простого угнетения вполне достаточно⁶⁰.

⁵⁸ Bestul 1996. P. 77; Moore 2007. P. 37–39.

⁵⁹ Bestul 1996. P. 77; Kaplan 2019. P. 81.

⁶⁰ Grayzel 1933. P. 92–93. См.: Lewis 1986. P. 543.

Хотя папы из века в век запрещали насильственное обращение и периодически защищали иудеев от насилия толп, очевидно, что в XI–XII вв. их положение в католическом мире изменилось к худшему. Из внутреннего чужака евреи постепенно превратились во внутреннего врага, союзника Сатаны и источник смертельной угрозы, которую, как все чаще напоминали клирики, следует нейтрализовать во имя духовного здоровья, а то и спасения христианского общества.

Ужесточение церковного дискурса по отношению к иудеям заметно и в описаниях Страстей Христовых. В раннее Средневековье среди богословов существовал консенсус о том, что евреи требовали распять Иисуса, не ведая о том, что он их Мессия и Сын Божий. В XI–XII вв. постепенно восторжествовала идея, что они пошли на богоубийство осознанно – из ненависти. Около 1200 г. английский теолог Александр из Эшби писал, что Христос был распят «сначала языками иудеев, а потом руками язычников». А трактаты о Страстях, созданные на рубеже XII–XIII в., стали уделять все больше внимания тем эпизодам Страстей, когда Иисус находился в руках иудеев (после ареста в Гефсиманском саду)⁶¹.

Решительный сдвиг в отношении Церкви к иудеям произошел в XIII в. Как показал историк Джереми Коэн, в это время многие богословы и иерархи постепенно отошли от августиновского взгляда на евреев как на хранителей Писания, свидетелей Страстей и живой знак торжества Церкви. Катализатором этого процесса стало все более ясное понимание, что религиозным фундаментом еврейской жизни давно служит не само Пятикнижие или весь Ветхий Завет (Тора и Танах), а Талмуд (колоссальный свод комментариев и религиозных законов) и что Талмуд полон выпадов в адрес Христа и христианства. В соответствии с новым взглядом евреи давно отступили от своих древних писаний, а потому как богохульники (по отношению к христианству) и еретики (по отношению к собственной вере) не могут претендовать на защиту. Своим присутствием они разлагают христианский социум изнутри. Поэтому, чтобы нейтрализовать внутреннюю угрозу, их следует обратить, а тех, кто откажется переходить в христианство, – изгнать.

Главными проводниками нового, резко враждебного взгляда на иудеев в XIII в. стали недавно основанные нищенствующие ордены – францисканцы и доминиканцы. Пламенные проповедники, стремившиеся силой слова обратить мирян и глубоко христианизировать социум, они превратились в главных врагов любой ереси и иноверия. Кроме того, оба ордена продвигали новые формы благочестия, сосредоточенные на фигуре страдающего Иисуса, «подражании Христу». В них внимание к Страстям, т. е. поруганию, мукам, ранам, агонии и смерти Спасителя, неизбежно переплетались с проповедью ненависти к его палачам, в первую очередь иудеям, которых к этому времени уже стали считать главными виновниками богоубийства.

Историк Джереми Коэн связывает этот идейный сдвиг, сыгравший самую мрачную роль в истории Европы, с масштабными переменами в структуре Католической церкви, а также представлениями о том, как должен быть устроен идеальный христианский социум. По мере укрепления власти пап и трансформации Церкви в универсалистский институт, претендовавший на то, что его власть выше императорской и королевской, среди клириков восторжествовало представление о том, что христианское общество – это органическое единство. Весь христианский мир – Тело Церкви, а ее миссия состоит в том, чтобы охватить собой все человечество. В обществе-организме не оставалось места для чужаков.

Такие идеи и устремления, конечно, существовали задолго до XIII в. Однако именно в эту эпоху политические амбиции папства и миссионерские устремления нищенствующих орденов, стремившихся достучаться до масс мирян, привели к тому, что Церковь повела как никогда радикальную борьбу против любых религиозных девиаций и форм иноверия. Именно в эту эпоху, прежде всего для борьбы с катарской ересью, была создана папская инквизиция –

---

⁶¹ Bestul 1996. P. 69–71; Kaplan 2019. P. 85–87.

главную роль в ней получили доминиканцы. Римские понтифики взяли на себя право вмешательства в вероучительные споры среди иудеев, а в 1242 г. во Франции были сожжены тома Талмуда, привезенные на 24 возах⁶².

нет ни римлянина, ни иудея: подвижная этничность

В Средние века (и еще долго после их завершения) главным катализатором и проводником антиеврейских чувств служили описания и изображения Страстей Христовых. В этом нет ничего неожиданного, поскольку они конкретизировали ключевое обвинение, которое христиане выдвигали в адрес иудеев: что они из ненависти к Христу добились того, что римляне предали его смерти. Или, по более емкой и агрессивной формулировке, сами его убили.

Между описаниями Страстей в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна существуют значимые различия. Из их текстов порой остается неясным, кто именно – римляне или иудеи – отвечали за ту или иную пытку или издевательство. Тем не менее на основе канонических Евангелий выстраивалась общая картина событий. Она позволяла распределить ответственность за различные этапы Страстей и задавала канву для средневековых текстов и образов, посвященных мукам и казни Спасителя. Попытаемся резюмировать эту историю предельно кратко и дополним ее деталями, которые были к ней присоединены в христианском предании.

Подкупив Иуду, иудейские первосвященники отправили свою стражу схватить Иисуса в Гефсиманском саду. После ареста его отвели «к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. [...] Первосвященники и старейшины и весь синедрион искали лжесвидетельства против Иисуса, чтобы предать Его смерти, и не находили; и, хотя много лжесвидетелей приходило, не нашли. Но наконец пришли два лжесвидетеля и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его. [...] Тогда первосвященник разорвал одежды свои и сказал: Он богохульствует! на что еще нам свидетелей? вот, теперь вы слышали богохульство Его! [...] Они же сказали в ответ: повинен смерти. Тогда плевали Ему в лице и зашали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?» (Мф. 26:57, 59, 65–67).

После этого Христа отвели к римскому прокуратору Пилату, который не нашел за ним никакой вины и отослал к пребывавшему тогда в Иерусалиме правителю Галилеи Ироду Антипе – сыну Ирода Великого, который некогда приказал перебить вифлеемских младенцев. Тот также не нашел, за что Иисуса можно было бы казнить, и, «уничижив Его и насмеявшись над Ним, одел Его в светлую одежду и отослал обратно к Пилату» (Лк. 23:11).

Поскольку иудейские первосвященники и старейшины все равно требовали казнить проповедника, Пилат отдал его своей страже на истязания. Сначала они подвергли его бичеванию (Мф. 27:26, Мк. 15:15, Ин. 19:1), а потом принялись над ним измываться и глумливо короновали: «Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били Его по голове. И когда насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, и одели Его в одежды Его, и повели Его на распятие» (Мф. 27:27-31).

Перед смертью Иисуса один из воинов, стоявших на Голгофе (евангелисты прямо не говорят, был ли он римлянином или иудеем), «наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить, говоря: постойте, посмотрим, придет ли Илия снять Его. Иисус же, возгласив громко, испустил дух» (Мк 15:36–37; ср.: Мф. 27:48–50, Лк 23:36–37). В Евангелии от Иоанна эта

---

⁶² Cohen 1984. P. 242–245. См. также: Bestul 1996. P. 91–93.

мука приписывается не одному, а нескольким воинам: «После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоив уксусом губку и наложив на иссоп, поднесли к устам Его. Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось! И, преклонив главу, предал дух» (Ин 19:28–30). За воином с губкой со временем закрепилось имя Стефатон⁶³.

Наконец, после того как Христос испустил дух, а двое разбойников, распятых бок о бок с ним, еще были живы, «иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, – ибо та суббота была день великий, – просили Пилата, чтобы перебить у них голени и снять их. И так пришли воины, и у первого перебили голени, и у другого, распятого с Ним. Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голеней, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода. И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его; он знает, что говорит истину, дабы вы поверили. Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится. Также и в другом [месте] Писание говорит: воззрят на Того, Которого пронзили» (Ин. 19:31–37).

За воином, который пронзил бок Христа, в церковной традиции утвердилось имя Лонгин. По апокрифической легенде, которая стала частью церковного нарратива о Страстях, он страдал от какой-то глазной болезни или вовсе был слеп. И когда ему на лицо попала кровь из раны Христа, исцелился и прозрел. После этого он уверовал, что распятый – Сын Божий, обратился в новую веру, стал отшельником в родной Каппадокии и там принял мученичество.

Кроме того, в синоптических Евангелиях (Мф. 27:54, Мк. 15:39, Лк. 23:47) упоминается о том, что на Голгофе присутствовал некий сотник. Увидев чудеса, свершившиеся после смерти Иисуса, он изрек: «Воистину Он был Сын Божий» или «Истинно человек этот был праведник». В известном трактате «Размышления о жизни Христа» (XIII в.) эта история была резюмирована следующим образом: «Наконец, [Христос] возгласил и свое последнее, седьмое слово, с сильным воплем и со слезами (Евр. 5:7): "Отче! в руки Твои предаю дух Мой". И, сие сказав, испустил дух (Лк. 23:46; Мф. 27:50). И, преклонив главу на грудь, словно благодаря Отца за то, что призвал Его, предал Ему дух свой (Ин. 19:30). На этот громкий крик обернулся бывший тут центурион, то есть сотник. Он сказал: "Воистину Он был Сын Божий" (Мф. 27:54). Дело в том, что сотник увидел, что Он прокричал эти слова, уже испуская дух, а обычно люди, когда умирают, кричать не могут. Поэтому сотник в Него уверовал»⁶⁴.

В церковной традиции существовали две интерпретации этих событий. В соответствии с первой воин, который пронзил бок Христа копьем, и сотник, который признал его Сыном Божьим, – это одно и то же лицо, сотник Лонгин. Вторая гласила, что на Голгофе было два сотника: Лонгин, который прозрел и уверовал, и второй, безымянный, который признал распятого Сыном Божьим. Скажем, Иаков Ворагинский в популярнейшей «Золотой легенде» (ок. 1260 г.) объединяет двух сотников в одну фигуру: «Лонгин был сотником, который вместе с другими воинами стоял у Креста Господня. По приказу Пилата Лонгин пронзил острием копья бок Господень. Увидев случившиеся тогда знамения, то, как тьма сокрыла солнце и земля содрогнулась, Лонгин уверовал во Христа»⁶⁵. В отличие от него, Лудольф Саксонский в «Житии Христа» (до 1374), одном из самых влиятельных страстных трактатов позднего Средневековья, говорил о двоих разных людях⁶⁶.

⁶³ См.: Jordan 1979; Jordan 1987. Христианские богословы чаще всего объясняли, что воин или воины дали умирающему Иисусу губку с уксусом, чтобы над ним поиздеваться. Но были и другие версии. Например, Петр Едок в «Школьной истории» говорил, что они сделали это, чтобы он поскорее умер и они могли отправиться по домам (PL 168. Col. 1632–166; см.: Bestul 1996. P. 31).

⁶⁴ Иоанн де Каулибус 2011. С. 237.

⁶⁵ Иаков Ворагинский 2017. С. 277. См.: Frugoni 2010. P. 172, 174.

⁶⁶ Broquin 1872. P. 455–456.

Если прозревший Лонгин обычно олицетворял обращение язычников, Стефатон – воин, протянувший Христу губку с уксусом и желчью, – превратился в воплощение иудейской слепоты и жестокости (I.1.9)⁶⁷. Потому на многих изображениях Распятия они ясно противопоставлены. Например, Лонгин стоял по правую руку Христа (со стороны Марии, Иоанна и «благоразумного» разбойника), а Стефатон – по левую (вместе с иудейскими первосвященниками, старейшинами и «безумным» разбойником). Стефатона одевали во фригийский колпак или юденхут, а Лонгин оставался с непокрытой головой. В «Саде наслаждений» Геррады Ландсбергской – иллюстрированной энциклопедии, созданной около 1200 г. в эльзасском монастыре Хохенбург (Сент-Одиль), в сцене Распятия фигура Лонгина подписана «воин» (*miles*), а фигура Стефатона – «иудей» (*judeus*)⁶⁸. На других изображениях голгофской казни по правую руку от Христа, неподалеку от Лонгина, стояла персонификация Нового Завета и христианства – Церковь, а по левую, рядом со Стефатоном, – Синагога, олицетворявшая Ветхий Завет и иудаизм. Иногда даже, чтобы подчеркнуть роль иудеев в убийстве Богочеловека, Синагоге вручали главные атрибуты Стефатона – трость с губкой и сосуд с уксусом⁶⁹.

---

⁶⁷ Broquin 1872. P. 455–456.

⁶⁸ Rohrbacher 1991. P. 304.

⁶⁹ Rohrbacher 1991. P. 300

1.1.9. Стефатон протягивает умирающему Христу губку с уксусом, смешанным с желчью. Как и многие негативные персонажи, он изображен в профиль (чтобы подчеркнуть его нос с горбинкой), а на голове у него широкополая еврейская шапка.

Книга образов мадам Марии. Брабант или Геннегау. Ок. 1285 г.

Paris. Bibliothèque nationale de France. Ms. NAF 16251. Fol. 38

Однако не стоит думать, что Лонгин в сценах Распятия всегда предстает как (праведный) римлянин, а Стефатон – как (неправедный) иудей. Их иконография была изменчива и противоречива. Нетрудно найти образы, на которых и Лонгин, и Стефатон изображены как враги

Христа и ничем не отличаются друг от друга: оба без головных уборов либо оба во фригийских колпаках или классических юденхутах⁷⁰.

Столь же подвижна была идентичность и других воинов, которые истязали Христа⁷¹. Хотя в Евангелиях было сказано, что его подвергли бичеванию в претории у Пилата, на многочисленных изображениях этой сцены палачи предстают в остроконечных шапках и с другими еврейскими атрибутами (I.1.10). И это не была какая-то иконографическая ошибка. В позднее Средневековье многочисленные трактаты, посвященные Страстям Христовым, а также мистерии, которые представляли их взору верующих, часто отходили от буквы Евангелий, перелажая ответственность за те или иные муки с римлян на иудеев. В Новом Завете терновый венец на голову Спасителя возложили римляне. Однако в «Зерцале человеческого спасения», популярнейшем «справочнике» по типологическим связям между Ветхим и Новым Заветами, было сказано, что евреи, «не довольствовавшись продолжением бичевания, выдумали [Христу] новую муку и короновали его терниями [...] Как сыновья Иакова без причины предали своего брата [Иосифа Прекрасного] на смерть, так и иудеи брата своего Христа без всякой его вины возненавидели. Сыновья Иакова продали своего брата за 20 денариев; иудеи Христа – за 30 денариев купили у Иуды. Сыновья Иакова разодрали тунику брата своего; иудеи изранили плоть Христа прутьями, бичами, шипами, гвоздями»⁷².

I.1.10. Слева: Коронование Христа терновым венцом.

Рудольф фон Эмс. Всемирная хроника. Регенсбург. Ок. 1400–1410 гг.

Los Angeles. The J. Paul Getty Museum. Ms. 33. Fol. 290

Справа: Бичевание Христа.

Вышивка. Германские земли. XIV в.

New York. The Metropolitan Museum of Art. № 64.27.21

Вина иудеев за казнь Христа продвигалась страстными мистериями, которые выставляли их как главных богоубийц, а римлян – как статистов или исполнителей их воли. Во Франк-

⁷⁰ Mellinkoff 1993 I. P. 69–70.

⁷¹ Rohrbacher 1991. P. 306–308, 310–311; Cohen 2007. P. 194, Fig. 9.7, 9.8. В Евангелии от Иоанна (19: 31–32) было сказано, что иудеи попросили Пилата перебить голени и снять с крестов тела казненных на Голгофе. И воины (подразумевается, римляне) отправились это сделать. Однако на одном из изображений Распятия, созданных в IX в., вместо слова *milites*, которое использовалось в латинского переводе Нового Завета, было подписано «иудеи» (Angers. Bibliotheque municipale. Ms. 24 (20). Fol. 7v; см.: Frugoni 2010. Fig. 142).

⁷² Lutz, Perdrizet 1907. P. 57.

фуртской мистерии 1493 г. после бичевания Пилат просит иудеев сжалиться над Христом и отпустить его. Однако двое, Натан и Йоселин, наоборот, возлагают ему на голову терновый венец и требуют у Пилата, чтобы казнь Иисуса была максимально унижительной⁷³. В разных средневековых текстах римский прокуратор представал как воплощение зла или как слабый правитель, стремившийся спасти узника, но не сумевший справиться с коварными иудеями. Более того, в иконографии самого римского прокуратора часто изображали в юденхуте, словно и он был евреем (I.1.11)⁷⁴.

I.1.11. Сцена бичевания Христа, написанная монахом-доминиканцем Мастером Франке (ок. 1428 г.). Пилат, сидя на роскошном престоле со львами, наблюдает за тем, как трое палачей хлещут тело узника плетками и розгами. На верхней панели трона изображен золотой щиток с красным юденхутом, а на голову Пилата водружен причудливый головной убор: красный тюр-

⁷³ Rohrbacher 1991. P. 308–309.

⁷⁴ См.: Sansy 1992. P. 357, Fig. 4; Mellinkoff 1993 I. P. 71–72; Strickland 2003. P. 115; Frugoni 2010. P. 174, Fig. 141. См. также: Hourihane 2009.

бан, на него надет желтый конус-колпак, а из-под него высовывается желто-золотой «язык», который частично закрывает лицо прокуратора.

Мастер Франке. Христос перед Пилатом (одна из панелей алтаря св. Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского). Ок. 1428 г.

Hamburg. Kunsthalle. Nr. HK-494

Столь же подвижна могла быть идентичность безымянного сотника, который признал Христа Сыном Божьим. На средневековых изображениях Распятия нередко с одной стороны от креста стоит Лонгин с копьем, а с другой – сотник: порой в воинских доспехах, порой в светском платье знатного господина. Его можно узнать по характерному жесту, который пришел в западное искусство из византийской иконописи: он правой рукой указывает на Христа, висящего на кресте. На некоторых образах от уст, ладони или кончика указательного пальца сотника разворачивается свиток, на котором запечатлены его слова, либо они поднимаются вверх по фону, поверх фигур и пейзажа.

В итальянском искусстве XIV–XV вв. нетрудно найти примеры, когда оба сотника предстают с нимбами⁷⁵. Однако и в итальянской, и в северной иконографии нередко встречаются сцены, на которых праведный римский сотник изображается в экзотическом восточном облике или с какими-то еврейскими атрибутами. Где-то на его голову накинута плат, похожий на талит – белое покрывало с синими или черными полосами, которое мужчины-иудеи надевали во время молитвы⁷⁶, а где-то он, подобно еврейским первосвященникам со старейшинами, одет в тюрбан (I.1.12).

На Распятии, которое Ганс Плейденвурф в 1465 г. написал для церкви св. Михаила в Хофе, праведный сотник изображен с длинными волосами и бородой, как часто представляли иудеев, а на его шапке, напоминающей юденхут, золотом вышита псевдоеврейская надпись⁷⁷. Интересно, что на другом Распятии того же мастера справа от креста стоят два персонажа: сотник в доспехах, который характерным жестом указывает на Христа (при этом по низу его лат идет надпись псевдоеврейским шрифтом), а рядом – бородатый мужчина в широкополой шапке с большой псевдоеврейской надписью, очень похожий на сотника с алтаря из Хофа. Видимо, под ним подразумевался один из еврейских старейшин. Как римский сотник приобрел иудейские атрибуты? Судя по всему, дело в недопонимании (или намеренной корректировке) при копировании фламандских образцов. Скажем, на Снятии с креста, написанном около 1450 г. кем-то из круга Рогира ван дер Вейдена, по левую руку от Христа стоит сотник в кирасе и тюрбане. Рядом с ним – праведный Никодим, фарисей и член синедриона, тайный ученик Иисуса. Он одет в роскошное, шитое золотом платье, в его руке меч, а на голове широкополая темная шляпа. У некоторых немецких мастеров в сцене Распятия изображена та же пара – и вверх на распятого указывает не сотник, а Никодим. Однако у Плейденвурфа фигуры Никодима и сотника «совмещаются». В итоге появляется персонаж в доспехах и в головном

---

⁷⁵ См. «Распятие» сиенского мастера Джованни ди Паоло ди Грация (ок. 1447 г.), где и Лонгин с копьем, и безымянный сотник сидят на конях по обе стороны от креста. Оба изображены с круглыми нимбами, как и Дева Мария, Иоанн Богослов и другие святые. Сотник, признавший распятого Сыном Божьим, указывает на него рукой, обернувшись к толпе иудеев (Amsterdam. Rijksmuseum. № SK-C-1596).

⁷⁶ Николо Пизано на кафедре из баптистерия Пизы около 1260 г. изобразил благочестивого сотника с бородой и в накинутом на голову плате, который похож на талит. Точно так же он выглядит и на фреске, которую в 1277–1280 гг. Чимабуэ написал в верхней церкви Сан-Франческо в Ассизи. И там сотник-«иудей» вдобавок изображен с нимбом. Как предполагает итальянский историк Кьяра Фругони, такое визуальное решение могло напоминать о том, что чудеса, следовавшие после смерти Христа, обратили не только римского офицера и его воинов, но и множество иудеев (Frugoni 2010. P. 178–190, Fig. 144–148). Однако, возможно, все объясняется проще: в таких накидках изображали не только евреев, но и других иноверцев, в том числе римлян-язычников, либо не все мастера хорошо представляли, кто на изображении римлянин, а кто – иудей. См. также: Patton 2012. P. 75–76.

⁷⁷ München. Alte Pinakothek. № 670.

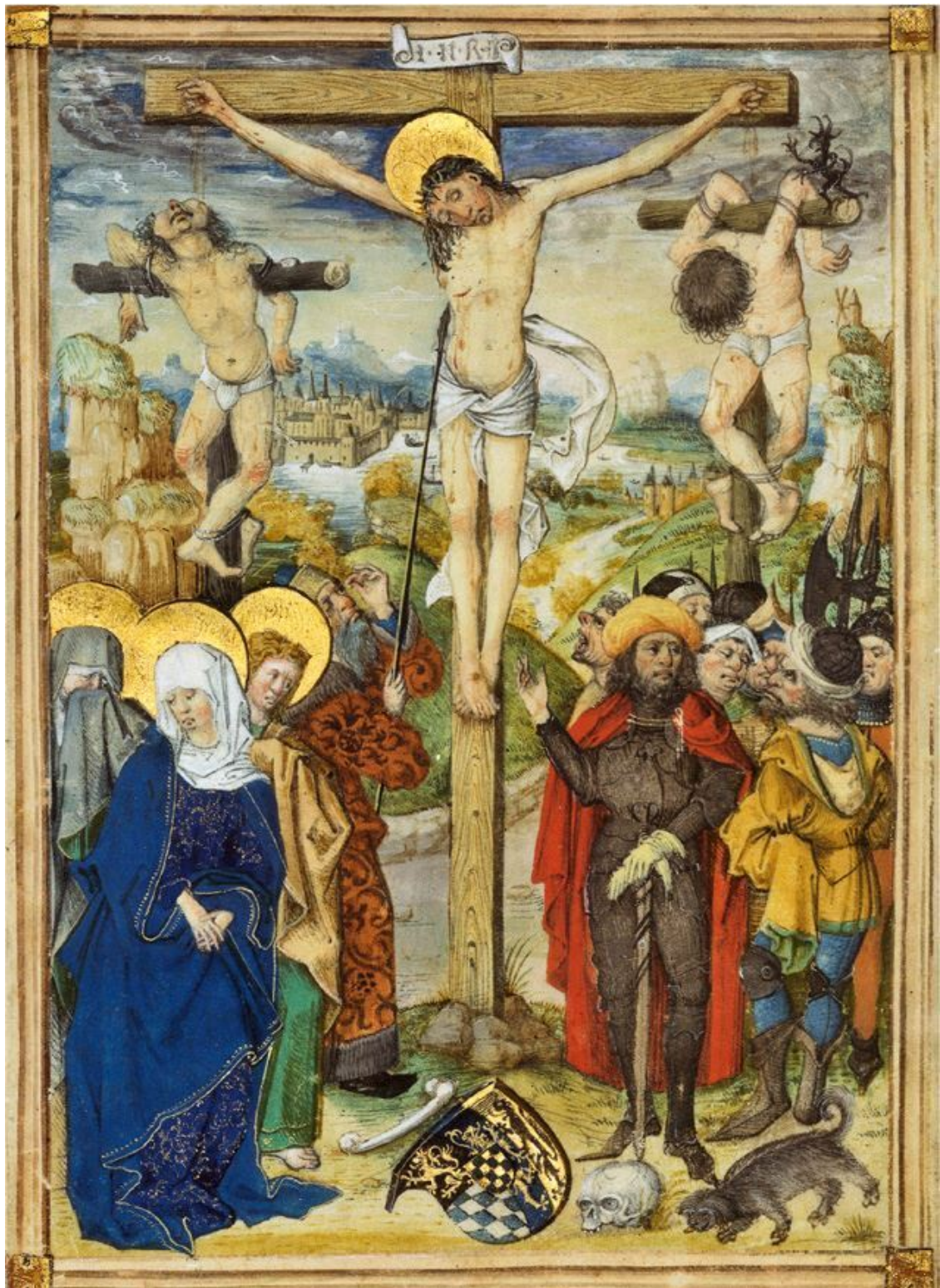
уборе с псевдоеврейской надписью, который, судя по воинским атрибутам, жестам и положению в композиции, означал сотника, но выглядел скорее как иудей⁷⁸.

Когда Стефатона или Пилата представляли в юденхутах или с какими-то еще еврейскими знаками, это была попытка их обличить, отождествив с иудеями-богоубийцами, очередной выпад в адрес иудеев, к которым причисляли столь тяжких грешников. Однако праведный сотник, как писал Беда Достопочтенный (ок. 672/673–735 гг.), олицетворял веру Церкви в то, что Иисус был истинным Богом и истинным человеком⁷⁹. И его вряд ли стали бы специально уподоблять врагам Христа. Похоже, что талит, юденхут и тюрбан в разные времена функционировали не только как указания на еврейство, но и как знаки древности. А они подходили не только иудеям, врагам Спасителя, но и праведному римскому сотнику.

---

⁷⁸ Nürnberg. Germanisches Nationalmuseum. № Gm 131. См.: Borchert 2011. P. 78–79, 208–209, 230, 402–405.

⁷⁹ PL 92. P. 620. См.: Frugoni 2010. P. 171, 204 (n. 26).

I.1.12. На голове благочестивого сотника желтый тюрбан, и у него такой же крючкова-
тый нос, как у стоящих вокруг иудейских старейшин и стражников, воплощающих неверие и
богохульство.

Распятие (лист, вероятно вырезанный из Миссала). Майнц или Кёльн (?). 1481–1482 гг.
New York. The Metropolitan Museum of Art. № 1975.1.2479

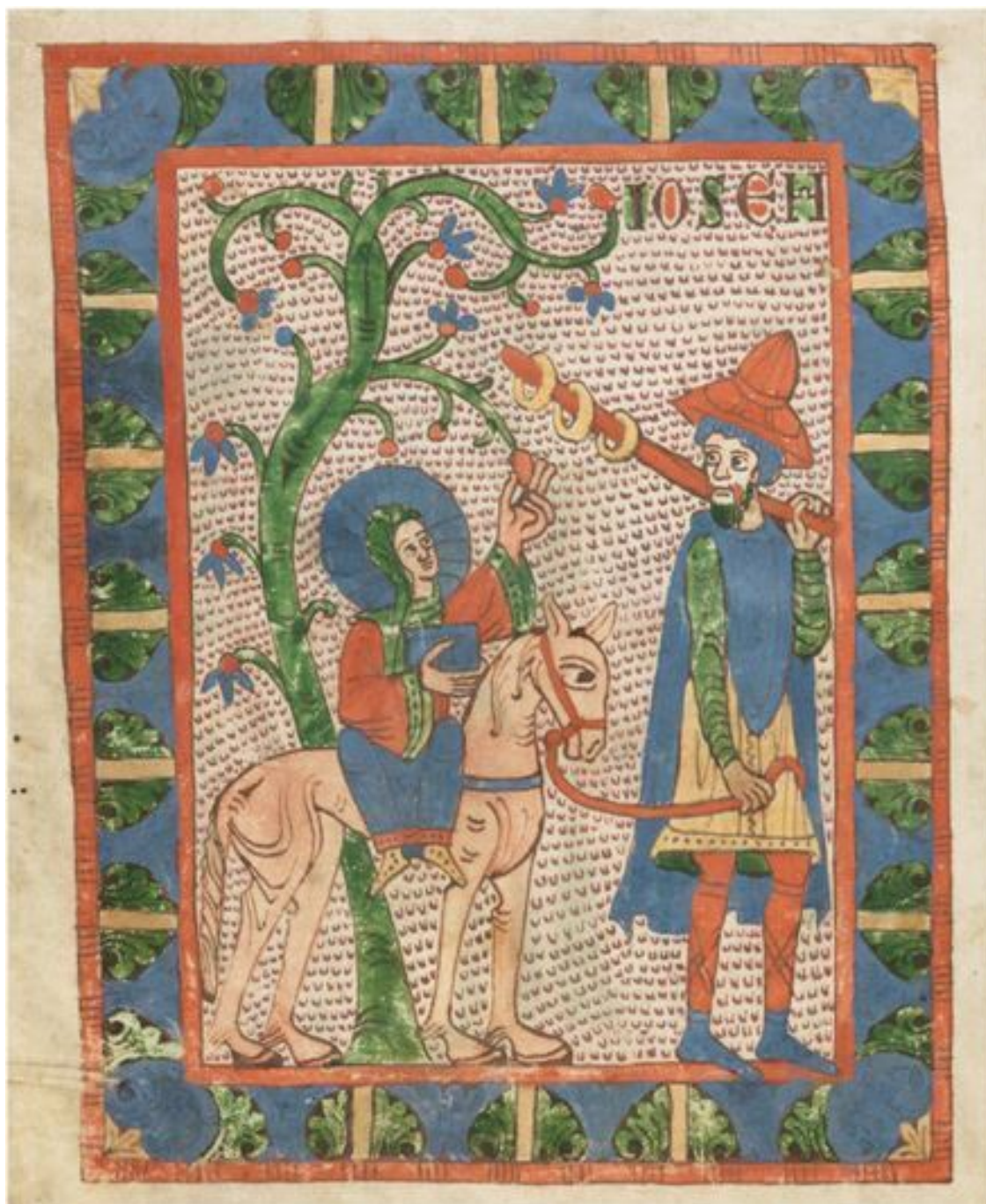
юденхуты: праведные и неправедные

Сам по себе юденхут был знаком нейтральным. Он идентифицировал персонажей как евреев, но оценка, которую им выносили, зависела от сюжета. В одинаковых шапках можно увидеть ветхозаветных пророков, предсказавших грядущее воплощение Христа, его приемного отца Иосифа (I.1.13) и средневековых иудеев, которые, вновь «разыгрывая» Страсти, втыкают ножи в распятия, гости или тела христианских детей⁸⁰.

Около 1210 г. клирик по имени Гийом Ле Клер составил на англо-нормандском языке стихотворный бестиарий. Как и в других похожих сочинениях, у него описания животных и птиц были снабжены аллегорическими или моральными толкованиями. Восемнадцатая глава его поэмы посвящена гиене – животному нечистому, которое питается мертвечиной и, как считалось в Средневековье, может менять свой пол с мужского на женский.

---

⁸⁰ Кроме того, на полях готических манускриптов в юденхутах нередко изображали различных гибридов, вымышленных зверей (например, мантикору – льва с человеческой головой и хвостом скорпиона) и монструозные расы (пигмеев, гигантов и т. д.). В этих образах обычно видят выпады в адрес иудеев (своего рода протокарикуры), указание на их духовную «монструозность». См.: Strickland 2003. P. 128–130, 133–137, 149–151, Fig. 55, 57, 59, 60, 71. Однако возможно, что такие шапки напоминали о восточном, экзотическом происхождении этих персонажей. Антииудейский подтекст здесь вероятен, но вовсе не обязателен.

И.1.13. Бегство Святого семейства в Египет. Иосиф, который спасает жену и приемного сына – Богочеловека, одет в огромный юденхут.

Миниатюра, видимо, из Псалтири. Мури (Швейцария). Первая половина XII в.
Sarnen. Benediktinerkollegium. Cod. membr. 83. Fol. 2v

По словам Ле Клера, гиена олицетворяет сынов Израиля. Изначально они твердо верили во всемогущего Господа, а потом, словно «оборотившись в женщин» (*femeles deviendrent*), предались радостям плоти, забыли о Боге и стали поклоняться идолам. Кроме того, гиена означает людей двуличных и переменчивых в своих взглядах. Их вера слаба, но они и не уклоняются в неверие. Они не мужчины и не женщины. Ведь сказано, что «человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих» (Иак. 1:8) и что «никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24).

На иллюстрациях в одной из английских рукописей бестиария Ле Клера справа на развороте изображена гиена, пожирающая труп человека, а слева – иудеи, которые на нее так похожи (I.1.14). Сверху ветхозаветные пророки в юденхутах во главе с рогатым Моисеем стоят на коленях перед Неопалимой Купиной, в которой им явился ангел Господень или сам Господь (Исх. 3:2-4). Здесь он предстает в облике Христа с крещатым нимбом. А снизу израильяне, отвернувшись от своего Бога, поклоняются золотому тельцу, стоящему на алтаре. И некоторых из них убивают мечом по приказу Моисея (Исх. 32:27-28)⁸¹. Праведная молитва обращена направо – к Богу (Христу), а неправедная – налево, к идолу. Однако и благочестивые израильяне, и грешники, служащие «кумиру», одеты в одинаковые юденхуты.

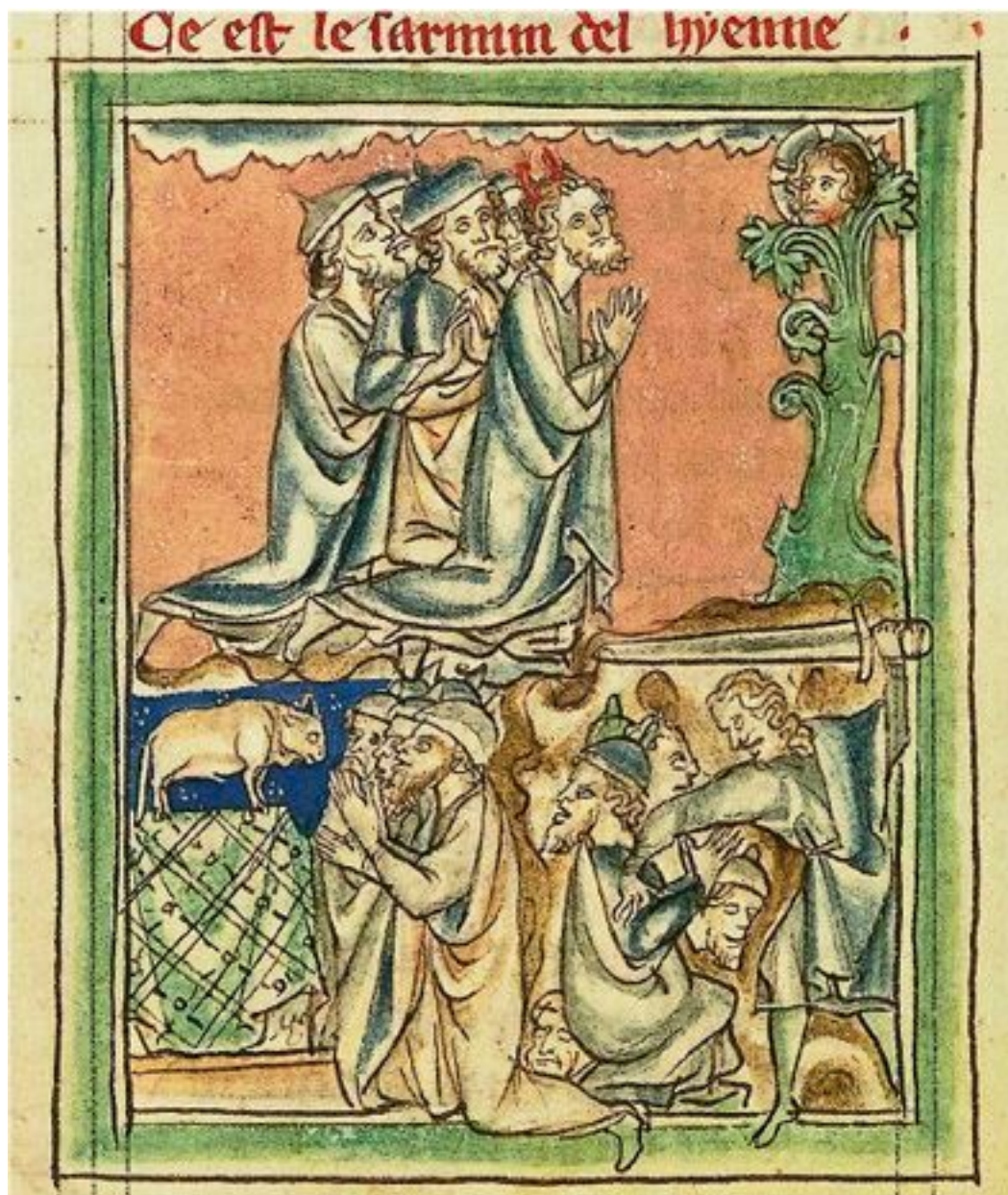
В Средние века ветхозаветных праведников (праотцев, пророков, царей) время от времени изображали с нимбами. Этот знак божественной избранности чаще был зарезервирован за христианскими святыми, которых почитали как небесных заступников. Аврааму, Моисею или Иезекиилю с Иеремией так не молились и храмов не посвящали⁸². Тем не менее и дохристианских святых тоже можно увидеть с нимбами – такими же, как у христианских, либо какой-то другой формы. Скажем, в Италии и Испании XIV–XV вв. их нимбы нередко были не круглыми, а многоугольными⁸³. В любом случае юденхут, знак еврейства, и нимб, знак святости, вовсе не исключали друг друга.

---

⁸¹ Hippeau 1852. P. 241–244. См.: Lewis 1986. P. 549, Fig. 6; Camille 1989. P. 165–166, Fig. 92; Strickland 2003. P. 147–148, Fig. 70; Strickland 2008. P. 209–210, Fig. 3; Strickland 2018. P. 441, Fig. 11; Resnick 2012. P. 50.

⁸² Конечно, существовали отдельные исключения. Например, многострадального Иова, которого Сатана, по Божьему решению, поразил проказой, почитали как святого заступника от кожных болезней. Центром его культа была деревня Веземаль в Брабантском герцогстве (на территории современной Бельгии). Там в церкви св. Мартина Турского стояла деревянная статуя Иова в священническом облачении. С середины XV по середину XVI в. к ней устремлялись паломники – в 1515 г. их было больше 20 000. Кроме того, в некоторых местах к югу и к северу от Альп Иова считали святым патроном музыкантов (Balentine 2015. P. 41–47).

⁸³ Зотов, Майзульс, Харман 2019. С. 285–287.

Г.1.14. Гийом Ле Клер. Божественный bestiарий. Оксфорд (?). Ок. 1265–1270 гг.
Paris. Bibliotheque nationale de France. Ms. Français 14969. Fol. 29v

I.1.15. Зерцало человеческого спасения. Эльзас. Ок. 1370–1380 гг.
 Paris. Bibliotheque nationale de France. Ms. Latin 511. Fol. 17

Это прекрасно видно в «Зерцале человеческого спасения», созданном в Эльзасе в 1370–1380-х гг. На одном из листов изображены две сцены, в которых христиане видели ветхозаветные префигурации евхаристии (I.1.15)⁸⁴. Слева стоит группа иудеев в юденхутах. Разинув рты, они тянут руки к пасхальному агнцу, лежащему на руках у первосвященника. Он намного выше остальных (что подчеркивает его власть и авторитет), одет в митру как у католического епископа, а вокруг его головы сияет золотой нимб. Как сказано в тексте «Зерцала», Господь, выводя евреев из Египта, заповедал им в память об избавлении на Пасху есть агнца – так и Христос во время Тайной вечери, чтобы спасти людей из плена Сатаны, установил таинство евхаристии. Как евреи едят агнца с горькими травами, так и христиане должны причащаться плоти Христовой с горечью покаяния⁸⁵.

Справа от еврейской пасхальной трапезы изображена встреча Авраама и Мелхиседека – «царя Салимского... и священника Бога Всевышнего». Как сказано в Книге Бытия (14:17-20), тот вынес Аврааму хлеб и вино, благословил его и получил от него десятую часть имущества. В христианской традиции в этом событии тоже видели префигурацию евхаристии. Потому Мелхиседек – в епископской митре и с нимбом – держит в руке не обычный хлеб, а гостию, и перед ним на столе-алтаре стоит евхаристическая чаша. Подчеркивая еврейство Авраама, художник, работавший над этой рукописью, нарисовал на синем щите, который он держит, три серебряных юденхута. И это тоже не помешало изобразить вокруг его головы нимб – как у христианского святого⁸⁶.

Обе сцены – собрание иудеев вокруг пасхального агнца и встреча Авраама с Мелхиседеком – не противопоставляли иудаизм и христианство, а представляли Ветхий Завет как предвозвестие Нового. Тем не менее в средневековых изображениях еврейской пасхальной трапезы

⁸⁴ Paris. Bibliotheque nationale de France. Ms. Latin 511. Fol. 17.

⁸⁵ Lutz, Perdrizet 1907. P. 35.

⁸⁶ В Миссале зальцбургского архиепископа Бернарда Рурского (вторая половина XV в.) царь-священник Мелхиседек (в высокой тиаре, напоминающей папскую) встречает Авраама с воинами хлебом и вином. На его красном знамени изображены три золотых юденхута (München. Bayerische Staatsbibliothek. Ms. Clm 15710. Fol. 89v).

мог быть заложен и обличительный, зловещий посыл. Ведь жертвенный агнец в христианской традиции – это символ Христа, который сам принес себя в жертву во имя спасения человечества (Ин. 1:29). Потому сцену, в которой иудеи жарят и поедают агнца, порой толковали не (только) как ветхозаветную префигурацию евхаристии, но и как символ Страстей – мук, которым богоубийцы подвергли тело Богочеловека. Важно то, *как именно* на изображении выстроены отношения иудеев с агнцем и есть ли какие-то знаки того, что художник хотел показать насилие над Христом.

Историк Дебра Стрикленд в обзоре средневековой антииудейской иконографии привела одну сцену из литургического манускрипта, известного как Кодекс Гизелы (Вестфалия, начало XIV в.). На странице с текстом и музыкой к пасхальному богослужению в инициале «Р» изображены шестеро иудеев в юденхутах (трое из них вооружены длинными дубинами), которые обступают висящую тушу белого агнца. Они хватают его и разрезают на него рты – поскольку стремятся откусить кусок его плоти (или на него кричат?). Приведенный на листе текст песнопения подсказывает, что они угрожают Агнцу-Христу: «Аллилуйя! Христос, наш пасхальный агнец, заклан» (1 Кор. 5:7)⁸⁷.

Как толковать такие образы – это почти всегда вопрос оттенков. В средневековой иконографии еврейская Пасха может представлять как предвозвестие христианской и в то же время противопоставляться ей, впитывая и транслируя юдофобские стереотипы. В роттердамском Музее Бойманса – ван Бёнингена хранится алтарная панель с изображением Тайной вечери, созданная в начале XVI в. Йоргом Ратгебом или каким-то неизвестным художником из южно-германских земель. На ней, как и на множестве аналогичных образов, последняя трапеза Христа и апостолов предстает как первая евхаристия. Эта панель некогда была центральной частью триптиха. А его правая створка хранилась в берлинском Музее кайзера Фридриха. В 1945 г. она была уничтожена, но сохранилась ее фотография. Мы видим ротонду, украшенную фигурой пророка Моисея – она олицетворяла Ветхий Завет и еврейский закон. Внутри разворачивается еврейская пасхальная трапеза, которая скорее напоминает раблезианское пиршество, торжество обжорства и пьянства.

На стене выписана загадочная формула, смысл которой пока никто из исследователей не сумел разгадать (вероятно, она ничего не значит и просто указывает, что действие происходит в до- или нехристианском пространстве). Историк Митчелл Мёрбэк обратил внимание на то, насколько карикатурно уродливыми выведены все собравшиеся за столом. На земле везде валяются луковые и чесночные головки. Жирные и тощие едоки хищно пожирают агнца, который тоже завален чесноком. Изображая греховную приземленность и плотские пороки древних израильтян, итальянские и североевропейские художники часто совмещали экзотические ориентальные мотивы с современными сценами из грубого крестьянского быта.

Однако здесь дело не только в этом. Вездесущий чеснок явно означал «горькие травы» (*марор*) – одно из блюд, которое евреи, вспоминая об исходе их предков из Египта, ели и до сих пор едят во время пасхальной трапезы (*седера*)⁸⁸. Кроме того, важно, что во время странствия по Синайской пустыне древние израильтяне, как рассказывалось в Книге Чисел (11:5), возроптали на Моисея за то, что в Египте они вдоволь ели «огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок», а теперь им приходится питаться одной манной. Средневековые христианские богословы толковали пристрастие евреев к луку и чесноку (дурно пахнущей и тяжелой пище, которая, как считалось, вызывает кожные болезни) как очередной знак их духовного помрачения, напоминание о том, что они дорожат горечью слез и сами тянутся к вони греха.

⁸⁷ Osnabrück. Archiv des Bischöfliches Generalvikariat. Ms. 101. P. 141. См.: Strickland 2003. P. 119–122, Fig. 49, 50.

⁸⁸ См.: «Скажите всему обществу Израилевых: в десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство... пусть съедят мясо его в сию самую ночь, испеченное на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его» (Исх. 12: 3, 8; ср.: Числ. 9: 9–11).

Потому у немецких художников XV–XVI вв. чеснок порой появлялся в сценах Страстей. Например, на одном из рисунков Йорга Брея две проросшие головки чеснока лежат на земле перед Иисусом, которого коронуют терновым венцом. Справа от них кем-то из мучителей брошен пояс с большим кошельем. Соседство пахучего чеснока и денег, видимо, следует воспринимать как очередной выпад в адрес иудеев, их алчности и духовного разложения. Потому на алтарной панели из Музея Бойманса – ван Бёнингена еврейская пасхальная трапеза, по трактовке Мёрбака, предстает как ветхозаветное предвозвестие евхаристии и в то же время явно противопоставляется ей – как плотская трапеза духовной⁸⁹.

В юденхуте или чаще под знаменем с юденхутом регулярно изображали Синагогу – персонафикацию ветхозаветного закона в облике женской фигуры (I.1.16). История этого образа отражает постепенное ужесточение церковного дискурса об иудаизме. Олицетворения Церкви и Синагоги, Нового Завета и Завета Ветхого, истинной веры и заблудшей веры отцов появились с двух сторон от креста, на котором распяли Иисуса, уже в IX–X вв. Не признав Христа Мессией, которого обещали пророки, Синагога обычно отходит от Христа, но в целом похожа на Церковь и никак не демонизирована. Однако со временем отношение к этой фигуре изменилось. Ее лишили знаков достоинства: стяг в ее руках сломался, а корона упала. С начала XI в. Синагогу стали изображать «незрячей»: с повязкой на глазах или с вуалью, спускающейся на лицо, а позже со змеей, обвивающейся вокруг головы, или с демоном, который кладет ей лапы поверх глаз или стреляет в глаз из лука. Она блуждает в духовной тьме и не желает идти к свету⁹⁰.

Однако такие же флаги с юденхутом на средневековых изображениях можно было увидеть и у праведных ветхозаветных героев: праотца Авраама, вышедшего встречать царя-священника Мелхиседека, или Иуды Маккавея, сражающегося с греками-язычниками, которые осквернили Иерусалимский храм⁹¹. На многочисленных сценах битв древних израильтян с их противниками (аммонитянами, филистимлянами и др.) обе стороны чаще всего представляли в облике средневековых рыцарей: в кольчугах или доспехах, в открытых конических или в тяжелых закрытых шлемах – в зависимости от того, когда создано конкретное изображение. На иллюстрациях к хроникам Крестовых походов христианские мастера применяли много приемов, призванных противопоставить праведную и неправедную армии: воинов Христовых и проклятых сарацин – клеветов дьявола.

---

⁸⁹ Morrall 2002. P. 173–184, Fig. 3.15, 3.19, 3.21; Merback 2011. P. 216–217, Fig. 7.2, 7.3.

⁹⁰ Schreckenberg 1996. P. 33 (Fig. 7), 44 (Fig. 15, 16), 45 (Fig. 17, 18), 46 (Fig. 20); Lipton 2014. P. 42–44. На южном портале церкви Сен-Жиль-дю-Гар (1150–1180) по левую руку от Христа падает Синагога, но на ее голове не корона или юденхут, а миниатюрный храм. Его форма воспроизводит Купол Скалы, построенный мусульманами на Храмовой горе в Иерусалиме. В Средние века на Западе его нередко принимали за перестроенный иудейский храм. При этом форма здания очень напоминает юденхут (Berger 2012. P. 94, Fig. 6.2, 6.3). Благодарю Дильшат Харман, которая указала мне на этот пример.

⁹¹ Schöner 2006. P. 364–365.

1.1.16. Слева: По правую руку Христа коронованная Невеста-Церковь собирает его кровь в чашу, напоминающую о евхаристии. По левую руку понуро стоит отвергшая его и отвергнутая им Синагога с упавшей короной и завязанными глазами. В руках Церкви – крест, у Синагоги – сломанное древко с флагом, на котором нарисован юденхут.

Историческая Библия. Эльзас. Вторая четверть XV в.

München. Bayerische Staatsbibliothek. Ms. Cgm 1101. Fol. 241v

Справа: Это изображение Синагоги объединяет большинство маркеров «иудейскости», которые применялись в позднесредневековой иконографии: закрытые глаза и повязку, символизирующие ее духовную слепоту; скрижали с псевдоеврейскими письменами, олицетворявшие еврейский закон; одеяние желтого цвета, который ассоциировался с иудаизмом и иноверием. В руке Синагоги маленький красный флаг с двумя черными юденхутами.

Конрад Витц. Синагога. Ок. 1435 г.

Basel. Kunstmuseum

Для этого крестоносцев представляли со светлой, а магометан – с темной кожей. На щиты христиан помещали благородные и благочестивые символы, а мусульманам доставались «твари» с плохой репутацией: змеи, драконы, вепри и т. д.⁹² Большинство из них встречалось в реальных гербах европейской знати. Однако в поляризованном мире иконографических условностей они служили маркерами злодейства и иноверия. Ярким и хорошо различимым расцветкам рыцарских гербов противопоставлялись глухие гаммы, какие редко использовали в европейской геральдике. Христианские изображения мусульман – арабов, а позже турок – сочетали документальную точность (реальные черты их облика, детали костюма или военной экипировки, символика, которую они действительно применяли) с вымыслом.

⁹² Лучицкая 1999; Лучицкая 2001.

I.1.17. Рудольф фон Эмс. Всемирная хроника. Бавария. Первая половина XIV в. Stuttgart. Landesbibliothek. Cod. HB XIII 6. Fol. 122

На иллюстрациях к ветхозаветным книгам, где описывались бесконечные сражения между избранным народом израильским и его противниками-язычниками, тоже требовалось зримо противопоставить праведную и неправедную стороны. Но тут средневековые западные мастера, которые не знали и не могли знать, как выглядели, во что были одеты и чем сражались эти древние народы, могли опереться только на собственную фантазию, представления о восточной экзотике и различные знаки, которые давно применяли в иконографии, чтобы отличить «своих» и «чужих».

I.1.18. Израильтяне, которых Моисей переводит через Красное море, одеты в воронкообразные юденхуты с шаром наверху, а преследующие их египтяне – в колпаки других конструкций (в том числе с закрученной вперед или назад верхней частью). Правда, всадник, который рулит повозкой, почему-то экипирован таким же юденхутом, как у израильтян.

Николай де Лира. Буквальный комментарий на Книгу Бытия и Исход. Фрайбург. 1396 г. *Basel. Universitätsbibliothek. Ms. A II 1. Fol. 127*

На миниатюре из «Всемирной хроники» Рудольфа фон Эмса, созданной в Баварии в первой половине XIV в., древние израильтяне победоносно сражаются с мадианитянами (Чис. 31) (I.1.17). Еврейские всадники одеты в закрытые «большие шлемы», но у двух первых воинов, чтобы зритель узнал в них израильтян, поверх (!) шлемов водружены юденхуты. А на щитах у них, как у праведного христианского войска, вовсе начертаны кресты! Напротив, их враги-язычники сражаются с открытыми лицами, в фантастических шлемах-колпаках, слегка загнутых вперед. А на щите у воина, который расположен ближе всего к зрителю, изображена морда дракона с высунутым языком – знак явно демонического толка. Если не знать, что написано в тексте хроники и убрать с миниатюры юденхуты, эту битву легко можно было бы принять за сражение между крестоносцами и сарацинами. Историк Даниэль Санси верно подметила, что в средневековой иконографии иноверцы, иноземцы и другие инаковые персонажи часто предстают в островерхих головных уборах самых разных конструкций. Потому в сценах про-

тивостояния между израильтянами, которых можно было узнать по высоким юденхутам, и их врагами-язычниками последних нередко одевали в еще более высокие колпаки (I.1.18)⁹³.

антихрист и 30 сребреников

Отношение христиан к иудеям во многом было опосредовано эсхатологическими ожиданиями и апокалиптическими страхами перед бедствиями последних времен. В них иудеям отводилась важная и при том зловещая роль. Конечно, существовало представление о том, что перед концом света евреи массово обратятся в христианство. Это было предсказано апостолом Павлом в Послании к Римлянам (11:25-26): «Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, – чтобы вы не мечтали о себе, – что ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется, как написано: придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова». Тем не менее к позднему Средневековию в христианской картине последних времен евреи чаще всего играли другую роль – клеветников Антихриста.

Как и Христос, родившийся от девы-еврейки, Антихрист – его дьявольский антипод, лжемессия, мнимый чудотворец и гонитель христиан, тоже, как повторяло множество текстов, будет евреем. Одним из главных источников сведений о биографии Сына погибели в Средние века служила «Книжица о рождении и временах Антихриста», которую в середине X в. аббат Адсон из Монтье-ан-Дера составил для западнофранкской королевы Герберги. В этом тексте можно прочесть, что Сын погибели появится на свет в еврейском колене Дановом⁹⁴. В XIII в. его биография была емко изложена в популярнейшем «Компендиуме богословской истины» страсбургского доминиканца Гуго Рипелена: «Родится в Вавилоне в колене Дановом... После этого отправится в Иерусалим, примет обрезание и скажет иудеям, что он и есть обещанный им Христос [*т. е. «помазанник»*]. – М. М.], и потому чернь Иудеи будет ему особенно предана»⁹⁵.

С XIII в. на иллюстрациях к Откровению Иоанна Богослова иудеи становятся вездесущи. Причем художники или, скорее, их заказчики и клирики-«консультанты» явно обостряли антиеврейский посыл Откровения. И изображали иудеев там, где в тексте упоминались абстрактные грешники или отступники, которые, отринув Христа, поступят на службу к Антихристу.

То, как это происходило, хорошо видно по иллюстрациям к Апокалипсису с толкованием немецкого францисканца Александра Бременского (ум. 1271 г.). Его комментарий отличался от многих других тем, что он видел в Откровении Иоанна Богослова ключ не только к последним временам, но и ко всей истории Церкви, а потому идентифицировал различных персонажей Апокалипсиса с конкретными императорами, ересиархами, королями, епископами и аббатами. Например, в битве между архангелом Михаилом и драконом, описанной в 12-й главе Откровения, он нашел указание на войну между византийским императором Ираклием и персидским шахом Хосровом в VII в., а в двурогом звере из 13-й главы – (лже) пророка Мухаммеда⁹⁶.

Одна из старейших рукописей этого комментария, снабженная множеством иллюстраций, хранится в библиотеке Кембриджского университета⁹⁷. Взглянем на строки «И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четы-

---

⁹³ Stuttgart. Landesbibliothek. Cod. HB XIII 6. Fol. 122. См.: Sansy 1992. P. 362, Fig. 10.

⁹⁴ Lewis 1986. P. 555–557; Strickland 2003. P. 130–132, Fig. 56.

⁹⁵ Strickland 2011. P. 40 (n. 24).

⁹⁶ Emmerson 2016. P. 47–48. См. также: Strickland 2003. P. 126–128.

⁹⁷ Binski, Zutshi 2011. № 407, P. 384–386.

рех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еляя же и вина не повреждай» (Откр. 6:5-6) (I.1.19). Александр Бременский отождествлял третьего всадника с римским императором Титом, который в 70 г. н. э. взял Иерусалим и разрушил иудейский храм⁹⁸. На миниатюре мы видим императора, восседающего на черном коне. В его руках – колоссальные весы. Слева – шесть чаш. В каждой из них сидят по пять иудеев в юденхутах, т. е. всего их тридцать. С правой стороны всего одна чаша. В ней лежит динарий с крестом, который уравнивает их всех (монета похожа на гостию – и это совсем неспроста). Эта сцена, как сказано в комментарии, напоминает о наказании иудеев, которых Тит, завоевав Палестину, стал продавать в рабство по цене в один динарий за 30 человек. Рядом с динарием также изображены виноградная лоза и масличное дерево образы, связанные с Христом.

I.1.19. Александр Бременский. Комментарий к Откровению Иоанна Богослова. Кёльн или Нижняя Саксония. Ок. 1270–1275 гг.

Cambridge. University Library. Ms. Mm. 5.31. Fol. 25v – 26

Перед нами эпизод из апокрифа «Кара Спасителя» (*Vindicta Salvatoris*), в котором рассказывается о наказании Пилата и иудеев⁹⁹. В соответствии с этим преданием, император Клавдий (или Тиберий) был болен проказой. В надежде на исцеление он отправил Веспасиана, отца Тита, в Иерусалим, чтобы тот привез к нему Христа. Однако выяснилось, что иудеи его уже погубили. Веспасиан нашел образ распятого под названием *Veronica* (от *Vera icon* – «истинная икона»). Его отвезли в Рим, и он чудесным образом излечил императора. Тогда Клавдий вновь послал Веспасиана в Палестину с указанием покарать иудеев. Поскольку Христос был продан Иудой за 30 сребреников, римский полководец стал продавать их в рабство по 30 человек за одну монету. В 1255 г. английский король Генрих III за 5000 фунтов продал своему брату Ричарду Корнуоллскому право в течение одного года взимать налоги со всех английских евреев. Потому хронист Мэтью Пэрис назвал этого короля как продавца евреев «вторым Веспасианом»¹⁰⁰.

христос остановился в эммаусе

Мог ли Христос в католической иконографии носить юденхут, который напоминал о его еврействе? Это важный вопрос. Никто не отрицал, что Иисус во плоти был одним из сынов Израиля. Множество текстов и изображений напоминало о том, что его род через Иосифа и/

⁹⁸ Alexander Minorita 1955. P. 95–98.

⁹⁹ Lewis 1986. P. 561–562, 565–566.

¹⁰⁰ Lewis 1986. P. 562, 565; Hillaby, Hillaby 2013. P. 9–10.

или через Марию восходил к царю Давиду, а от него к Аврааму (см.: Мф.1:1). Однако его как Мессию, отвергнутого и убитого иудеями, им всегда противопоставляли. Если не считать обрезания, в средневековой иконографии Нового Завета не найти сцен, которые указывали бы на еврейство Иисуса. Это касалось не только его, но и апостолов. Хотя они были евреями, жившими среди евреев, их почти никогда не изображали в юденхутах. Ученики Христа воспринимались исключительно как христиане, основатели Церкви. Более удивительно, что в юденхуте не представляли даже Иуду – предателя, который в церковной проповеди и иконографии превратился в олицетворение иудейства. Видимо, дело в том, что, в отличие от фарисеев или первосвященника Каиафы, он как апостол воплощал отступничество от христианства, внутреннюю, а не внешнюю инаковость¹⁰¹.

Однако был один сюжет, в котором Христа и двоих апостолов порой одевали в шапки, похожие на еврейские. Речь идет о евангельском эпизоде, известном как встреча в Эммаусе. После того как Христос воскрес, он предстал перед двумя учениками, которые шли в это селение, но они его не узнали. Дело было к вечеру, и ученики позвали его переночевать на том же постоялом дворе, где сами собирались остановиться. «И когда Он возлежал с ними, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал им. Тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (Лк. 24:30-32).

---

¹⁰¹ Историк искусства Виктор Стоикита в небольшой книге «Образ Другого. Чернокожие, иудеи, мусульмане и "цыгане" в западном искусстве Нового времени» писал, что в христианской иконографии (он говорил уже о позднем Средневековье и раннем Новом времени) «еврей предстает как еврей лишь с того момента, как отказывается принимать Христово послание». Мария, Иосиф, Анна, Иоахим, Елизавета и Захария, родственники будущего Мессии, были евреями, но обычно не маркировались как таковые. «Еврей становится Другим, когда... игнорирует или отрицает пришествие Мессии» и не признает божественность Христа (Stoichita 2014. P. 87).

I.1.20. Христос и двое переглядывающихся учеников в широкополых шляпах. В этой рукописи в точно такой же шляпе изображен Иосиф, ведущий Марию с Иисусом в Египет, чтобы спасти их от царя Ирода. Христа чаще всего представляли с крещатым нимбом. Здесь, поскольку он одет в шапку, роль креста выполняют ее поля и верхняя часть, выступающая из тульи.

Житие Христа. Англия. Ок. 1190–1200 гг.

Los Angeles. The J. Paul Getty Museum. Ms. 101. Fol. 87

На некоторых изображениях этого ужина, созданных в XII – начале XIII в., и воскресший Иисус, и двое апостолов одеты в юденхуты (I.1.20). По словам Дебры Стрикленд, такой головной убор напоминал верующим о том, что Богочеловек был евреем¹⁰². Возможно, и так. Однако чаще всего воскресший Спаситель и его ученики представляли с непокрытыми головами либо были облачены в шапки другого покроя – какие носили путники и пилигримы (I.1.21)¹⁰³.

¹⁰² Leiden. Universiteitsbibliotheek. Ms. BPL 76 A. Fol. 27. См.: Strickland 2016b. P. 154, Fig. 3.

¹⁰³ См. «Житие Христа» (ок. 1175 г.): New York. Morgan Library & Museum. Ms. M. 44. Fol. 13. В Винчестерской псалтири (ок. 1150–1160 гг.) Христос по дороге в Эммаус одет во фригийский колпак, один апостол – в такой же, а второй – в широко-

На позднесредневековых изображениях встречи в Эммаусе к шапкам даже нередко пришиты ракушки. Это был атрибут паломников, побывавших в Сантьяго-де-Компостела, и олицетворение паломничества как такового¹⁰⁴.

Сам по себе юденхут долго оставался нейтральным знаком. В нем могли изображать как ветхозаветных пророков и праотцев, так и новозаветных богоубийц. Однако по мере того, как образ еврея в христианском сознании и искусстве становился все более зловещим и враждебным, он, вероятно, впитал негативные ассоциации. А потому Иисуса и апостолов, встретившихся в Эммаусе, с XIII в. в нем изображать перестали¹⁰⁵. У разных персонажей Нового Завета была своя мера допустимого «иудейства». Скажем, на одеждах Христа и его учеников в средневековой иконографии почти не встретить еврейских или псевдоеврейских надписей. Однако они появлялись у праведных персонажей, которых воспринимали скорее не как христиан, а как иудеев, уверовавших во Христа, например у Иосифа Аримафейского, который забрал у римлян и похоронил его тело¹⁰⁶.

1.1.21. Слева: Дорожные шляпы на головах двух апостолов, которые встретили воскресшего Христа по пути в Эммаус. Справа: Юденхуты на головах иудеев, приносящих кровавую жертву и поклоняющихся золотому тельцу.

Морализованная Библия. Париж. Ок. 1225 г.

Wien. Österreichische Nationalbibliothek. Cod. Vindobonensis 1179. Fol. 186

юдофобский знак в еврейских рукописях?

Интересно, что юденхут как знак иудейства применялся не только в католической, но и в еврейской иконографии¹⁰⁷. В течение многих веков евреи, жившие в христианских королевствах, в силу жесткого толкования второй заповеди «Не делай себе кумира» сторонились изображений людских фигур, не создавали их сами и не заказывали у иноверцев. Однако в XIII в. и у евреев-ашкеназов в Германии, и у евреев-сефардов в Испании появились рукописи с иллюстрациями, посвященными библейской истории, праздникам и ритуалам. И в них, как

полую шляпу, похожую на юденхут. Подпись к изображению гласит, что Иисус явился ученикам *en semblance de pelerin* – «в облике паломника». А во время ужина на постоялом дворе Христа изобразили с непокрытой головой и крещатым нимбом, а обоих апостолов в конических шапках – вариантах того же фригийского колпака. См.: London. British Library. Ms. Cotton Nero C IV. Fol. 25, 26.

¹⁰⁴ См. Эгмонтский breviарий (Утрехт, ок. 1440 г.): New York. Morgan Library & Museum. Ms. M 87. Fol. 205v.

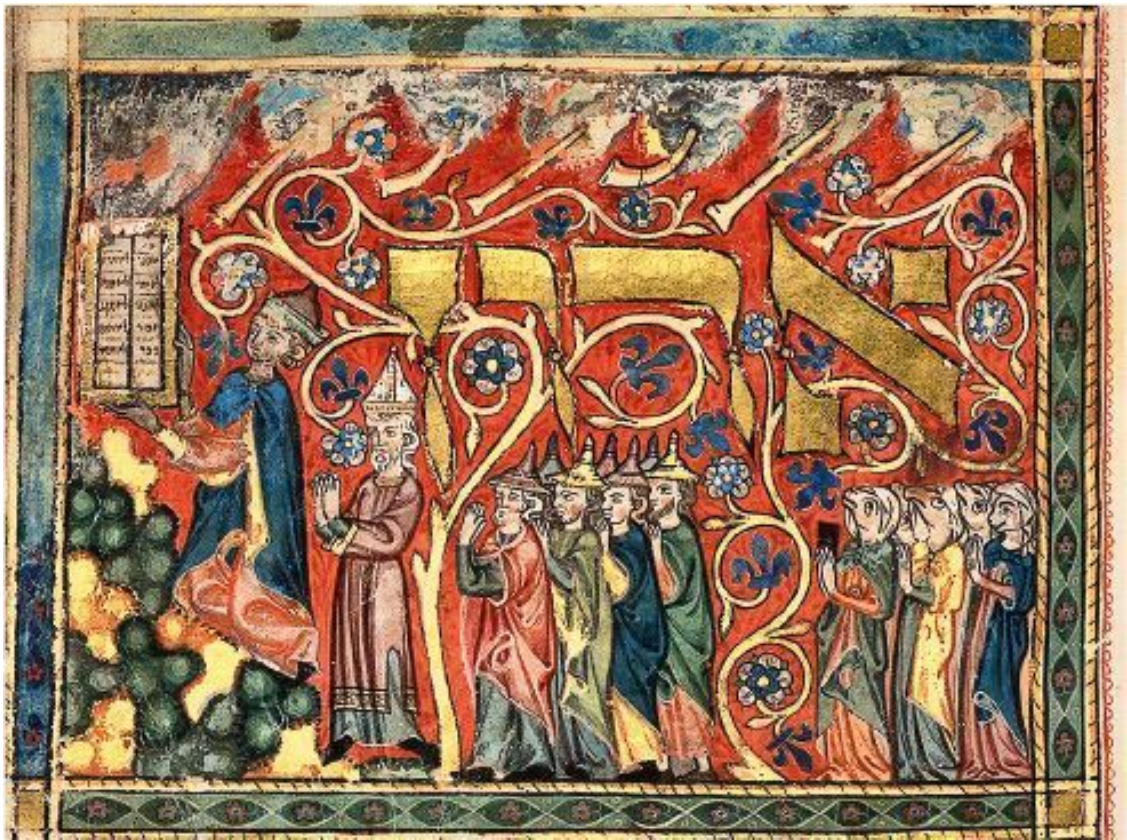
¹⁰⁵ Schöner 2006. P. 363.

¹⁰⁶ Mellinkoff 1993 I. P. 98.

¹⁰⁷ Gutmann 1987. P. 76; Sansy 1992. P. 364; Lipton 1999. P. 18

на похожих католических изображениях, Авраам, Моисей или простые евреи, сидящие за пасхальным столом, регулярно предстают в юденхутах (I.1.22).

Хотя в богатых еврейских домах появились рукописи с изображениями ангелов, людей и животных, сомнения и споры по поводу того, не нарушают ли они вторую заповедь, никуда не исчезли. Видимо, поэтому в германских землях во многих манускриптах людей стали представлять с пустыми, недорисованными лицами; с лицами, закрытыми волосами или шапками; со странными, деформированными чертами; с головами зверей и птиц и т. д. Как по фигуре с зооморфной головой понять, кто это: иудей или язычник, иноверец? В дело тоже шел юденхут. Например, в Птицеголовой Агаде (ок. 1300 г.) Моисей с птичьим клювом и в такой шапке вручает израильтянам (тоже с птичьими головами) пять скрижалей, символизирующих книги Пятикнижия, а на других миниатюрах птицеголовые евреи в юденхутах заняты подготовкой к Пасхе (I.1.23)¹⁰⁸.

I.1.22. Господь вручает Моисею скрижали с заповедями. За ним стоит его брат Аарон – на его голове митра, словно у католического епископа. Моисей одет в остроконечную шапку с широкими зелеными полями. У других израильтян на голове классические юденхуты. Если мужчины изображены с человеческими лицами, женщины на этой миниатюре и на других листах этой рукописи чаще всего предстают со звериными или птичьими головами.

Трехчастный Махзор. Южная Германия. Ок. 1322 г.
London. British Library. Ms. Add. 22413. Fol. 3

Но кто был автором этих изображений? Историки предполагают, что миниатюры, украшающие многие еврейские рукописи, были созданы мастерами-христианами или евреями, которые учились у христиан, были знакомы с церковной иконографией и заимствовали из нее

¹⁰⁸ Shalev-Eyni 2016b. P. 247, Fig.3

различные приемы и визуальные формулы¹⁰⁹. Поэтому американская исследовательница Рут Меллинкофф в свое время предположила, что, работая на еврейских заказчиков, христианские мастера применяли те же «антисемитские знаки ненависти», которые привыкли использовать, исполняя церковные заказы. А заказчики-евреи, не знакомые с этими приемами, были не в состоянии их распознать и не понимали, что их продолжают изобличать¹¹⁰. Эта идея выглядит не слишком правдоподобно.

I.1.23. Приготовление мацы для пасхальной трапезы. Все персонажи изображены с птичьими головами. Взрослые мужчины (их можно узнать по бородам) еще и в юденхутах. Птицеголовая Агада. Южная Германия. Ок. 1300 г. *Jerusalem. Israel Museum. Ms. 180/57. Fol. 25v – 26*

Видимо, сами иудеи в XIII–XIV вв. не видели в ношении юденхута ничего унижительного или настолько к нему привыкли, что перестали его воспринимать как навязанный им знак. На личной печати раввина и знатока галахи Моше бен Менахема из Цюриха, которая сохранилась на одном документе 1329 г., были изображены три юденхута, соединенных «макушками» в треугольник¹¹¹. Юденхуты помещали и на символику крупных еврейских общин. На знамени еврейской общины Будапешта, которое точно применялось уже в 1475 г., был изображен юденхут с пятиконечной звездой. А на «флаге царя Давида», которым с 1354 г. пользовалась еврейская община Праги, судя по всему, был изображен юденхут, вписанный в звезду с шестью лучами¹¹²

¹⁰⁹ Epstein 1997. P. 3–15; Epstein 2002b. P. 39–42.

¹¹⁰ Mellinkoff 1999. См. критику этого тезиса: Epstein 2002a.

¹¹¹ Shalev-Eyni 2016a. P. 175–182, Fig. 2. Этот документ подтверждал, что граф Иоганн фон Габсбург возвратил долг в 950 серебряных марок.

¹¹² Metzger, Metzger 1982. P. 145–146; Spicer 1996. P. 211–212; Rodov 2009. P. 469; Rodov 2013b. P. 99. На фронтисписе Книги Исход, напечатанной Гершомом Коэном в Праге в 1518 г., соседствуют два щита: справа – герб Праги, а слева – герб еврейской общины, на котором изображена шестиконечная звезда с юденхутом посередине (Rodov 2013b. Fig. 21)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.